

Моя Аннетт

Любовь под ключ

Моя Аннетт

Любовь под ключ

<https://litres.ru/74278747>

Аннотация

— Вали отсюда, — рычит мужчина, ослепляя меня фонарем.
— Я сейчас полицию вызову. — Не надо! — кричу я, сидя в строительной пыли. — Я хозяйка! Я Волкова! — Ты? — он смеется, и этот смех режет по живому. — Волкова — это леди с аватарки. А ты похожа на мокрую курицу, которую протаскивали через канализацию.

Вчера у меня было всё: элитный особняк, бизнес и жених. Один росчерк пера — и я «списана в утиль». Жених отобрал всё, повесил на меня долг в двенадцать миллионов и выставил за дверь. Мне некуда идти, кроме убитой «сталинки» без окон и дверей. Я думала, это дно. Но там меня ждал ОН. Роман. Владелец строительной фирмы, который ненавидит таких, как я. — Жить будешь здесь, на утеплителе, — ставит он ультиматум. — Но если начнешь ныть или мешать работе — вылетишь на улицу. Мы враги. Но когда в мою хлипкую дверь начнут ломиться коллекторы, только этот грубый прораб возьмет в руки монтировку и встанет на мою защиту.

В ТЕКСТЕ: ♥# предательство и крах идеальной жизни ♥# вынужденное сожительство на стройке ♥# настоящий мужчина, который решает проблемы ♥# очень эмоционально

График выкладки - через день в 20:00 МСК

Содержание

Глава 1. Подпись на льду	5
Глава 2. Доступ запрещен	19
Глава 3. Грязь	36
Глава 4. Путь на дно	54
Глава 5. Чужой (Встреча)	70
Глава 6. Утро в бетоне	90
Глава 7. Ультиматум	105
Глава 8. Бытовой ад	120
Глава 9. Звонок из банка	131
Глава 10. Электричество (Искра)	139
Глава 11. Сделка	149
Глава 12. Авторский надзор (Босс)	160
Глава 13. Предупреждение	169
Глава 14. За секунду до...	178
Глава 15. Зверь	187
Конец ознакомительного фрагмента.	189

Глава 1. Подпись на льду

Тишина в нашем поселке стояла дороже, чем квадратные метры. Это была особенная, вакуумная тишина, от которой закладывало уши. Здесь не лаяли собаки, не плакали дети, а газонокосилки работали строго по расписанию — по вторникам и четвергам, с десяти до двенадцати. Даже птицы, казалось, чирикали вполголоса, боясь нарушить устав элитного комьюнити.

Я открыла глаза за минуту до будильника. 6:59.

Мой внутренний таймер был настроен идеально, как и всё в этом доме. Никаких сбоев. Никаких лишних движений.

Потянулась, чувствуя кожей прохладу шелкового белья. Новая коллекция известного дома моды, цвет «пепел розы». Артур настоял именно на этом оттенке. Сказал, что он «благородный и не создает визуального шума». Красиво, дорого и... холодно. Как всегда. Шелк скользил по ногам, напоминая воду в осеннем пруду.

Повернула голову направо. Вторая половина огромной кровати была пуста. Подушка идеально взбита, ни одной складки. Опять работал в кабинете до утра? Или вообще не приезжал?

В груди кольнуло привычное, липкое чувство тревоги. Я тут же задавила его, как надоедливое уведомление в телефоне. «Не накручивай, Лиза. Он строит империю. Ты знала, на что шла, когда сказала "да"».

Я встала, сунула ноги в мягкие тапочки из натуральной овчины и подошла к панорамному окну. Шторы с электроприводом бесшумно разъехались, впуская в спальню серое октябрьское утро.

За стеклом расстился идеальный газон, присыпанный инеем. Серые бетонные дорожки, туи, выстриженные под линейку, словно солдаты на плацу. Ни одного желтого листа. Садовник убирает их еще до того, как они коснутся земли.

Красиво. Как на компьютерной визуализации дорогого архитектурного бюро.

И так же безжизненно.

— Доброе утро, мир, — прошептала я своему отражению в стекле.

На меня смотрела ухоженная женщина тридцати лет. Каре — волосок к волоску, даже после сна. Кожа сияет (спасибо косметологу и вчерашней альгинатной маске за неприличную сумму). В глазах — легкая тень усталости, которую легко скрыть патчами и фильтром в соцсетях.

Я — Елизавета Волкова. Владелица лучшего салона красоты в центре, невеста завидного жениха, хозяйка этого стеклянного дворца площадью в четыреста квадратов.

Так почему мне хочется выть?

Я спустилась на первый этаж по лестнице с «парящими» ступенями. Перила из закаленного стекла были холодными под ладонью.

На кухне пахло стерильностью и химическим лимоном. Никакого запаха жареных блинчиков, ванили или хотя бы тостов. Артур ненавидел «кухонные запахи», называл их «мещанством». Поэтому у нас стояла мощнейшая вытяжка, которая высасывала любой аромат вместе с уютом.

Я подошла к кофемашине — хромированному монстру, который стоил как подержанная иномарка. Нажала кнопку. Машина недовольно зажуужжала, перемалывая зерна элитной обжарки.

Чашка наполнилась густой черной жидкостью. Эспрессо. Без сахара, без молока.

Я сделала глоток и поморщилась. Горько. Кислая горечь обожгла язык, прокатилась по горлу.

Я ненавидела эспрессо. Я любила капучино с миндальным сиропом и огромной шапкой пены. Но Артур считал, что молоко — это для детей, а сахар портит фигуру.

«Ты же лицо своего бренда, Лиза. Ты должна быть сухой и подтянутой», — говорил он, щипая меня за бок, где ему мерещилась лишняя складка.

И я пила этот чертов эспрессо. Каждое утро. Три года подряд.

В холле хлопнула дверь кабинета.

По паркету застучали уверенные шаги. Я выпрямила спину, натянула на лицо улыбку номер пять — «счастливая невеста».

Артур влетел в кухню, на ходу застегивая запонки на белоснежных манжетах.

Он был безупречен. Темно-синий костюм-тройка, сшитый на заказ в Европе, сидел как влитой. Свежая стрижка, ни одной сединки в густых темных волосах. От него пахло дорогим, резким парфюмом с нотками металла и озона. Запахом успеха. Запахом денег. Запахом холода.

— Привет, — я подставила щеку для поцелуя.

Он чмокнул воздух где-то в районе моего уха, не сбавляя

темпа. Его взгляд скользнул по мне и тут же уперся в экран смартфона.

— Кофе будешь? — спросила я, хотя знала ответ.

— Нет, опаздываю. Встреча с инвесторами через сорок минут. Пробки девять баллов, придется по выделенке лететь.

Он бросил на мраморный остров свой планшет и кожаную папку. Подошел к холодильнику, достал бутылку минеральной воды в стекле.

Я смотрела на него и пыталась поймать его взгляд.

— Артур, ты вчера не пришел ужинать. Я заказывала кейтеринг из того панорамного ресторана. Твои любимые грешки...

— Малыш, ну какой ужин? — он поморщился, делая глоток воды. — У меня закрытие квартала. Мы выходим на биржу через год, я пашу как проклятый. Ты думаешь, этот дом сам себя оплачивает? Или твой внедорожник?

Удар под дых. Он умел это делать виртуозно. Одной фразой обесценить всё и выставить меня неблагодарной содержанкой. Хотя мой салон приносил стабильный доход, и я сама оплачивала свои расходы. Но в масштабах его бизнеса мои доходы были «деньгами на булавки».

— Я просто скучаю, — тихо сказала я, крутя в руках чашку с остывающим кофе. — Мы женимся через два месяца, а я вижу тебя реже, чем курьера из доставки.

— Лиз, не начинай, а? — в его голосе звякнул металл. — Мне нужен дома надежный тыл, а не нытье. Ты же у меня умная девочка. Понимающая.

Он наконец посмотрел на меня. Взгляд был цепким, оценивающим. Так смотрят на дорогую вещь в витрине: нет ли царапин? Хорошо ли отполирована?

— Кстати, — его тон резко изменился. Стал мягким, обволакивающим. Тот самый тон, которым он очаровывал партнеров и меня три года назад. — Хорошо, что ты напомнила про свадьбу. У меня к тебе просьба. Помнишь, мы говорили про оптимизацию налогов для твоего салона?

Я напряглась. Мой бизнес был моим единственным островком свободы. Я строила его пять лет, по кирпичику, начиная с крошечного кабинета на окраине.

— М-м-м? — неопределенно протянула я.

— Мои юристы подготовили схему. Нужно перевести активы в мой холдинг. Временно. Чтобы снизить налоговую нагрузку и получить льготный кредит на расширение. Ты же хотела открыть филиал в историческом центре? Вот, это

шанс.

Он разблокировал планшет, быстро потыкал пальцем в экран и сунул его мне под нос.

Стекло планшета было холодным и скользким. На экране светился документ. Мелкий шрифт, сложные юридические формулировки: «отчуждение прав», «доверительное управление», «полная передача долей».

— Артур, я не уверена, — я попыталась вчитаться в текст, но буквы плясали перед глазами. — Мой бухгалтер, Марина Сергеевна, говорила, что у нас всё чисто. У меня упрощенка, там нечего оптимизировать.

— Твой бухгалтер — тетка из прошлого века, которая считает на счетах, — он пренебрежительно фыркнул. — Лиза, ну включи голову. Я предлагаю тебе уровень. Масштаб. Или ты так и хочешь всю жизнь стричь челки домохозяйкам и трястись за каждую копейку?

Обида обожгла горло.

— Я не стригу челки, у меня премиум-сегмент, — возразила я, чувствуя, как дрожат руки. — И у меня полная запись на месяц вперед.

— Да-да, конечно, — он нетерпеливо постучал пальцем по мраморной столешнице. Звук был резким, как выстрел.

— Короче. Времени нет. Подпиши здесь. Это формальность. Просто чтобы налоговая отстала.

— Артур, мне надо почитать. Я не могу подписывать документы на бизнес за завтраком, за пять минут. Скинь мне на почту, я покажу юристу...

— Лиза! — он повысил голос. Эхо метнулось по пустой кухне.

Он шагнул ко мне вплотную. Я почувствовала запах его одеколona — можжевельник и сталь. Он взял меня за плечи. Руки были сильными, но в этом жесте не было нежности. Только контроль.

— Ты мне не доверяешь? — он заглянул мне в глаза. — Мы же семья. Почти муж и жена. У нас общий бюджет, общий дом, общее будущее. Я пытаюсь тебе помочь, вытащить твой бизнес на новый уровень, а ты включаешь бюрократа?

Внутри меня сработал привычный триггер: «Будь удобной. Не создавай проблем. Он мужчина, он знает лучше. Он умнее, богаче, успешнее».

Я так устала спорить. Устала доказывать, что я чего-то стою. Мне хотелось просто быть его женщиной. Защищенной. Любимой. Чтобы он перестал смотреть на меня как на проект, который нужно доработать, и просто обнял.

Если я сейчас откажу, он будет дуться неделю. Будет этот невыносимый холод в доме, молчаливые завтраки, игнор в мессенджерах. Я этого не вынесу.

— Ладно, — выдохнула я, сдаваясь. — Где подписать?

Лицо Артура мгновенно разгладилось. Напряжение исчезло, сменившись сияющей улыбкой. Идеальной, но абсолютно пустой.

— Вот здесь. И здесь галочку.

Он протянул мне стилус.

Я взяла его. Пальцы были влажными.

На секунду мне показалось, что экран планшета потемнел, как лед на реке перед тем, как треснуть. Интуиция, мой внутренний голос, который я так долго глушила, вдруг заорал: «Не делай этого! Беги!».

«Просто формальность», — повторила я про себя мантру Артура.

Росчерк.

Елизавета Волкова.

Еще один.

Подтверждаю передачу прав.

— Умница, — Артур почти вырвал планшет из моих рук.

— Вот видишь? Не больно. Теперь всё будет по-взрослому.

Он быстро свернул окно с документом, заблокировал экран и сунул планшет в портфель.

— Всё, я побежал. Вечером буду поздно, не жди. У меня совещание в Сити.

— А как же... — я хотела спросить про выходные, про то, поедем ли мы выбирать торт для свадьбы, но он уже был у двери.

— Люблю тебя, малыш! — бросил он через плечо, даже не обернувшись.

Тяжелая входная дверь хлопнула, отрезая его от меня.

Через секунду за окном рыкнул мотор его черного внедорожника. Шуршание шин по гравию. И тишина.

Та самая дорогая, мертвая тишина.

Я осталась одна посреди огромной белоснежной кухни.

Чашка с эспрессо стояла на столе, как черный глаз. Я вылила содержимое в раковину. Темная жидкость исчезла в сливе.

Меня била мелкая дрожь. Почему у меня такое чувство, будто я только что собственноручно захлопнула крышку своего гроба?

«Надо ехать в салон, — подумала я, пытаюсь собраться. — Там девочки, там жизнь, там запах лака для волос и кофе. Там я — босс, а не удобная мебель».

Я поднялась в гардеробную. Выбрала классический бежевый тренч, кашемировый свитер, удобные замшевые лоферы. Образ в стиле «тихая роскошь», который так нравился Артуру. Сдержанно, дорого, скучно.

Взяла сумку, проверила телефон.

Нужно вызвать такси. Моя машина была в сервисе — Артур еще позавчера сказал, что забрал её на плановое ТО, потому что там «что-то стучало». Странно, я ничего не слышала, но спорить не стала. Он же лучше разбирается в технике.

Я открыла приложение такси.

«Комфорт-плюс». От поселка до центра ехать час. Ценник высокий, но я могла себе это позволить.

Нажала «Заказать».

Поиск машины...

Найдена. Черный седан, приедет через 12 минут.
Телефон пискнул. Уведомление из банка.

Я мельком глянула на экран, ожидая увидеть привычное списание.

«Оплата отклонена. Недостаточно средств».
Я замерла.

Что за бред?

Это была оплата за такси. Всего две тысячи рублей.

На моей личной карте, привязанной к счету салона, должно быть около полумиллиона. Я вчера проверяла, когда оплачивала поставку красителей.

— Глюк, — сказала я вслух. Голос прозвучал хрипло и жалко в пустом холле. — Просто глюк системы. У них вечно что-то виснет.

Я попробовала сменить карту на кредитку.

«Операция отклонена. Карта заблокирована банком-эмитентом».

Холод, который жил в этом доме, вдруг проник мне под кожу. Он сковал легкие, сжал сердце ледяной рукой.

Я открыла приложение банка.

Кружок загрузки крутился бесконечно долго. Секунда, две, три...

Экран мигнул и выдал красную плашку:

«Доступ к счетам ограничен. Обратитесь в отделение банка или к владельцу основного счета».

К владельцу основного счета.

Но владелец — я.

Или...

В памяти всплыл утренний разговор.

«Нужно перевести активы в холдинг... Доверенность на управление... Полная передача долей...»

«Подпиши здесь. И здесь галочку».

Планшет. Холодное стекло. Моя подпись.

Я сползла по стене вниз, прямо на идеальный итальянский паркет. Сумка выпала из рук.

В тишине дома раздался звук уведомления. Пришло сообщение от такси-сервиса:

«Заказ отменен. Способ оплаты недействителен».

Я сидела на полу в прихожей дома за сто миллионов рублей, в тренче за триста тысяч, и не могла заплатить две тысячи за такси.

И самое страшное было не в том, что у меня нет денег.

А в том, что я начинала понимать: у меня больше нет ничего.

Дорогие читатели!

Большое спасибо, что заглянули в мою историю!

Добавляйте в библиотеку, чтобы не потерять и ставьте звездочку — это очень меня мотивирует :)

Подписывайтесь на меня, так мы точно не потеряемся:

<https://litnet.com/shrt/YZfu>

Глава 2. Доступ запрещен

Я не помню, как нашла наличные. Кажется, это была записка «на чаевые курьерам», которую я сунула в карман зимнего пальто еще весной — мятая пятитысячная купюра, пахнущая старыми духами и пылью.

Я не помню, как вызвала такси. Приложение сжалилось и позволило выбрать оплату наличными, но класс пришлось понизить до «Эконома». «Комфорт» и «Бизнес» требовали привязанную карту, а мои карты превратились в бесполезный пластик.

Я помню только дорогу.

Желтая, прокуренная «Шкода» с трещиной на лобовом стекле. Водитель — мрачный мужчина в кепке, который всю дорогу слушал шансон.

— Девушка, вам дует? — спросил он, глядя в зеркало заднего вида.

Я сидела, вцепившись в сумочку, и меня трясло. Не от холода. От унижения.

— Нет, всё в порядке, — мой голос звучал чужим. Стек-

лянным.

За окном проплывала Москва. Мокрая, серая, равнодушная. Мы тащились в пробке на выезде из поселка, мимо высоких заборов, за которыми прятались такие же «счастливые» жизни, как моя.

Я смотрела на эти заборы и думала: неужели это всё? Неужели один росчерк стилуса может перечеркнуть пять лет жизни?

«Нет, — успокаивала я себя. — Это просто ошибка банка. Технический сбой. Или Артур что-то напутал с настройками семейного доступа. Сейчас я приеду в салон, выпью нормальный кофе, позвоню ему с рабочего телефона, и мы посмеемся над этим. Он скажет: "Малыш, ну ты паникерша", и переведет мне денег».

Но червячок сомнения уже грыз изнутри. Он напоминал мне холодный взгляд Артура. Его спешку. Его слова: «Ты мне не доверяешь?».

Это самый грязный прием манипуляторов. Бить по чувству вины. Если ты задаешь вопросы — значит, ты плохая. Значит, ты не любишь.

И я повелась. Как девочка-стажерка, я повелась на этот дешевый трюк.

Мы въехали в центр.

Мой салон находился в тихом переулке недалеко от Тверской. «L'Ауга». Я придумала это название сама. Игра слов: «Лаура» и «Аура». Место силы.

Я помнила, как мы делали здесь ремонт. Я дневала и ночевала на стройке, спорила с прорабами за каждый оттенок краски, лично выбирала кресла из итальянской кожи, заказывала живые растения из Голландии.

Это было не просто место, где стригут и красят. Это был мой ребенок. Мой, а не Артура. Он, конечно, помог с помещением на старте, дал беспроцентный займ, который я, кстати, вернула до копейки еще год назад.

Я гордилась этим. Я не была содержанкой. Я была партнером.

По крайней мере, я так думала.

— Приехали, — буркнул водитель, паркуясь в луже у тротуара.

Я протянула ему мятую купюру.

— Сдачи не надо.

Я вышла под дождь. Зонта у меня не было. Мелкая водяная пыль тут же осела на волосах, убивая укладку, но мне было плевать.

Я стояла и смотрела на витрины.

Они сияли теплым, золотистым светом. За стеклом, среди огромных монстер и фикусов, двигались силуэты. Мои девочки.

Вон Леночка, администратор, улыбается клиентке, подавая чай в наших фирменных фарфоровых чашках. Вон стилист Марк колдует над чьими-то волосами, артистично взмахивая расческой.

Там, за стеклом, была жизнь. Теплая, уютная, пахнущая кофе и дорогим шампунем. Моя жизнь.

Я выдохнула, расправила плечи и поправила воротник тренча.

«Соберись, Волкова. Ты хозяйка. Не показывай им, что у тебя проблемы».

Я подошла к массивной входной двери. Она была сделана из дуба и стекла, с красивой латунной ручкой.

Нажала на ручку.

Заперто.

Странно. Обычно днем мы держим дверь открытой, или она открывается автоматически.

Ах да, новая система безопасности. Мы поставили её месяц назад — вход по магнитным картам для персонала и по звонку для клиентов. Чтобы отсеять случайных прохожих.

Я достала из сумочки свой пропуск — белый пластиковый прямоугольник с золотым тиснением «Owner».

Приложила к считывателю.

Ожидала услышать привычный короткий писк и щелчок замка.

Вместо этого раздался противный, низкий гул.

Б-з-з-з.

И красный огонек над ручкой мигнул, как злой глаз.
Я нахмурилась.

— Что за ерунда? — пробормотала я.

Приложила карту снова. Сильнее. Будто сила нажатия могла исправить программный код.

Б-з-з-з.

Красный свет. Доступ запрещен.
Сердце начало биться где-то в горле.

Я постучала в стекло. Леночка, сидевшая за стойкой ресепшн, подняла голову.

Она увидела меня.

Но вместо того чтобы расплыться в улыбке и нажать кнопку открытия двери, она... побледнела.

Её глаза расширились. Она нервно оглянулась куда-то вглубь зала, потом снова посмотрела на меня и опустила глаза, делая вид, что очень занята компьютером.

— Лена! — крикнула я через стекло, чувствуя, как холодный пот течет по спине. — Лена, открой! У меня карта размагнитилась!

Она не двигалась. Она сидела, вжав голову в плечи, и судорожно перебирала бумаги.

Это был какой-то сюрреализм. Моя Лена, которую я наняла три года назад, которую я утешала, когда её бросил парень, которой я выписала премию на свадьбу... Она меня игнорировала?

Вдруг из глубины зала, из моего кабинета, вышел мужчина.

Я его не знала.

Высокий, плотный, в сером костюме, который сидел на нем слишком туго. Лицо гладкое, невыразительное, как у манекена. Типичный «безопасник» или юрист средней руки.

Он подошел к двери изнутри. Посмотрел на меня сквозь стекло спокойно, без эмоций. Как на голубя, который гадит на подоконник.

Щелкнул замком и приоткрыл дверь, но сам встал в проеме, перегораживая вход своим массивным телом.

— Добрый день, — сухо произнес он.

— Добрый, — я попыталась пройти, но он не сдвинулся ни на миллиметр. — Пропустите, я владелица. У меня что-то с пропуском. И кто вы вообще такой?

— Елизавета Дмитриевна Волкова? — он сверился с

планшетом, который держал в руке. Тем самым планшетом, который утром был у Артура? Нет, другим. Но суть была та же.

— Да, это я. Отойдите с дороги.

— Боюсь, это невозможно, — он говорил вежливо, но в этой вежливости было столько стали, что можно было резать вены. — Ваш пропуск аннулирован. Вам запрещен вход на территорию объекта.

Я рассмеялась. Нервно, срываясь на визг.

— Что? Какого объекта? Это мой салон! Я его построила! Вы что, издеваетесь? Где Лена? Позовите администратора!

— Елена Викторовна сейчас занята, — он даже не моргнул. — Согласно договору номер 45-Б от сегодняшнего числа, право собственности на ООО «Лаура Бьюти» и все материальные активы перешло к холдингу «АВ-Групп». В связи с процедурой слияния и аудита, доступ прежнего руководства ограничен.

Мир качнулся.

Договор номер 45-Б.

Утро. Кухня. Запах эспрессо.

«Подпиши здесь. Это формальность».

«Перевести активы в холдинг...»

— Это ошибка, — прошептала я. Ноги стали ватными.
— Артур... Артур Викторович сказал, что это просто для налоговой. Что я остаюсь управляющей. Он не мог...

— Я не в курсе ваших личных договоренностей с господином Соболевым, — перебил меня «серый костюм». — У меня есть приказ. Вы больше не являетесь собственником. Ваши полномочия прекращены с 9:00 утра.

— Там мои вещи! — крикнула я, чувствуя, как к горлу подступает истерика. — В кабинете! Мой ноутбук, документы, сумка с формой!

— Личные вещи будут описаны и переданы вам курьером в течение трех рабочих дней, — отчеканил он. — Сейчас я не могу вас пустить. Идет инвентаризация.

— Пустите меня! — я бросилась вперед, пытаясь оттолкнуть его.

Это было глупо. Я весила пятьдесят килограммов, он — сто. Он просто выставил руку, уперев ладонь мне в плечо, и легко, почти небрежно, оттолкнул меня назад. На мокрый тротуар.

— Елизавета Дмитриевна, не усугубляйте, — его голос стал жестче. — Не заставляйте меня вызывать охрану. У нас есть распоряжение не допускать скандалов, но если вы продолжите ломиться, мы вызовем наряд.

За его спиной я увидела Марка. Моего стилиста. Он стоял с ножницами в руках и смотрел на меня. В его глазах был ужас. И жалость.

Он видел, как меня, хозяйку, вышвыривают за порог, как нашкодившего щенка.

Этот взгляд ранил сильнее, чем толчок охранника.

Жалость.

Я всегда боялась быть жалкой. Я была «Iron Lady» в шелках. Я была той, кто решает проблемы.

А теперь я стояла под дождем, и меня не пускали в мой собственный дом.

— Передайте Артуру, что он... — голос сорвался. — Что я подам в суд!

Мужчина в костюме едва заметно усмехнулся.

— Это ваше право. Всего доброго.

Дверь захлопнулась перед моим носом.

Щелкнул замок.

Красный огонек над ручкой снова мигнул, подтверждая:
Доступ запрещен.

Я осталась одна на улице.

Дождь усилился. Вода текла по лицу, смешиваясь с тушью, которая, вопреки рекламе, оказалась не такой уж водостойкой.

Я дрожащими пальцами достала телефон.

Набрала Артура.

Гудок. Второй. Третий.

«Абонент занят или находится вне зоны действия сети».

Сбросил.

Я набрала еще раз.

Короткие гудки. Сразу.

Черный список.

Он заблокировал меня. Человек, с которым я спала в одной постели три года. Человек, которому я выбирала галстуки. Человек, который сегодня утром говорил «Люблю тебя, малыш».

Он просто вычеркнул меня. Нажал кнопку «Block» — и меня не стало.

Я посмотрела на вывеску салона. Золотые буквы «L'Auga» сияли сквозь серую морось.

Я помню, как заказывала их. Каждая буква стоила тысячу долларов. Я выбирала шрифт неделю.

Теперь эти буквы казались мне надгробной надписью.

Мимо проходили люди. Кто-то оглядывался на странную женщину в дорогом тренче, которая стоит под дождем и смотрит на закрытую дверь.

Мне нужно было что-то делать. Куда-то идти.

Но куда?

Домой? В поселок?

Если он отобрал салон за полчаса, то что мешает ему сменить коды на воротах дома? Дом тоже записан на него. Я там никто. Просто прописана... стоп. Я даже не прописана там. У меня прописка в той самой квартире, которую я купила для инвестиций.

Паника, холодная и липкая, начала подниматься от желудка к горлу.

Я — никто.

У меня нет бизнеса. Нет денег. Нет жениха.

Я стояла в центре Москвы, в городе, который пожирает слабых, и чувствовала, как этот город уже открывает пасть, чтобы проглотить меня.

Телефон в руке завибрировал.

Я дернулась, надеясь, что это Артур. Что он передумал, что это шутка, проверка, дурацкий розыгрыш.

Но это было сообщение от банка. Еще одно.

«Уведомляем о досрочном расторжении договора лизинга на автомобиль Mercedes-Benz GLE. Просьба вернуть транспортное средство на стоянку дилера до 18:00 текущего дня. В противном случае автомобиль будет объявлен в розыск».

Я истерически хохотнула.

Машина. Моя машина, которую я считала своей. Оказывается, она была в лизинге на его фирму.

«Ты же лицо бренда, тебе нужна статусная тачка, давай оформим на юрлицо, так выгоднее», — говорил он.

Выгоднее. Ему.

Он подготовил всё заранее. Каждый шаг. Он планировал это уничтожение месяцами, пока я выбирала цветы для свадьбы и радовалась, какой у меня заботливый мужчина.

Я чувствовала себя не просто преданной. Я чувствовала себя идиоткой.

Клинической, восторженной дурой в розовых очках.
Дверь салона снова открылась.

Я дернулась вперед, но тут же замерла.

Из двери вышла клиентка. Довольная, с идеальной укладкой. Леночка провожала её, улыбаясь той самой дежурной улыбкой.

Лена увидела меня. Улыбка сползла с её лица. Она быст-

ро, суетливо сунула клиентке визитку и юркнула обратно за дверь, захлопнув её с такой силой, что стекла звякнули.

Она боялась. Боялась потерять работу. Боялась нового хозяина.

Я её не винила. У неё ипотека и больная мама.

Но от этого было не легче.

Я отошла от витрины. Прислонилась спиной к холодной стене соседнего здания.

Ноги не держали.

В кармане тренча звякнул телефон. Я посмотрела на экран.

15% зарядки.

Отлично. Ещё и это.

Через час я останусь без связи.

Надо было действовать.

Я не могла просто стоять здесь и мокнуть.

Нужно поехать к нему. В офис? Нет, туда меня точно не пустят, там охрана серьезнее, чем в Кремле.

В ресторан.

Он всегда обедает в «Марио» в два часа. Это ритуал. Он не нарушает ритуалы.

Если я перехвачу его там... Если посмотрю ему в глаза... Может быть, он объяснит? Может быть, есть шанс всё исправить?

Может, я смогу вымолить... что? Прощение? За что?

За то, что была слишком доверчивой?

Я вытерла мокрое лицо рукавом тренча за триста тысяч, который теперь был просто мокрой тряпкой.

— Ты не сдашься, Волкова, — прошептала я. — Ты не сдохнешь здесь под забором.

Я пошла к метро.

Впервые за пять лет я спускалась в подземку.

Запах сырости, пыли и чужих тел ударил в нос. Турникеты

щелкали, как гильотины.

Я приложила телефон к валидатору, молясь, чтобы там, на виртуальной «Тройке», остались хоть какие-то деньги с тех времен, когда я еще ездила на аэроэкспрессе.

Зеленый свет.

Прошла.

Я ехала в ресторан, чтобы встретиться со своим палачом, и еще не знала, что этот обед станет последним гвоздем в крышку гроба моей прошлой жизни.

Глава 3. Грязь

Метро выплюнуло меня на поверхность где-то в районе Тверской. Я стояла у выхода, хватая ртом холодный, сырой воздух, и пыталась унять дрожь в коленях.

Вокруг спешили люди. Серые куртки, черные зонты, озабоченные лица. Я была чужеродным элементом в своем промокшем насквозь бежевом тренче, который еще утром стоял целое состояние, а теперь выглядел как тряпка для мытья полов. Грязь от проезжавшей машины мелкими каплями застыла на подоле.

Тот самый итальянский ресторан.

Он должен быть там.

Это было его место. Место, где официанты знают, какой прожарки стейк он любит, и где столик у окна всегда зарезервирован на фамилию Соболев.

Я посмотрела на часы. 14:15.

Он всегда обедает с двух до трех. Это закон. Артур — человек привычки. Даже если мир рухнет, он будет есть свой суп и проверять котировки акций.

Я пошла по улице, стараясь не смотреть на свое отражение в витринах.

В голове крутилась одна мысль, как заезженная пластинка: «Это ошибка. Он сейчас всё объяснит. Он скажет, что служба безопасности перегнула палку. Что это просто меры предосторожности перед слиянием».

Я цеплялась за эту мысль, как утопающий за соломинку. Потому что если это не ошибка... то я не знаю, как дышать дальше.

Швейцар на входе в ресторан смерил меня взглядом, в котором читалось профессиональное сомнение.

— Добрый день. У вас забронировано?

Он не узнал меня.

Я была здесь сотню раз. Я улыбалась ему, оставляла щедрые чаевые. Но сегодня я была просто мокрой женщиной с потекшей тушью и безумным взглядом.

— Я к Соболеву, — бросила я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Он меня ждет.

— Артур Викторович? — швейцар замялся, но все-таки

открыл тяжелую дверь. Магия фамилии сработала. — Проходите. Позвольте ваш плащ...

— Не надо, — я отдернула руку. — Я на минуту.
Я вошла в зал.

Тепло.

Здесь пахло трюфельным маслом, свежей выпечкой и дорогим парфюмом. Мягкий свет, звон приборов, тихий гул разговоров. Атмосфера денег и спокойствия. Того самого спокойствия, которого меня лишили три часа назад.

Я знала, где он сидит. Дальний угол, приватная зона за высокими кадками с живыми пальмами. Там можно обсуждать сделки на миллионы, не опасаясь лишних ушей.

Я двинулась туда, лавируя между столиками. Сердце колотилось так сильно, что мне казалось, его стук заглушает фоновую музыку.

Вот он.

Я увидела знакомый профиль. Идеальная стрижка, воротник белой рубашки, уверенный жест руки, держащей бокал с водой.

Он был там. Живой, настоящий, спокойный.

У меня подкосились ноги от облегчения. Я хотела броситься к нему, упасть на колени прямо на этот мягкий ковер и разрыдаться: «Артур, они забрали салон! Они меня выгнали! Помоги!».

Я сделала шаг. И замерла.

Потому что увидела руку.

Женскую руку с идеальным красным маникюром, которая накрыла его ладонь, лежащую на столе.

Я остановилась за декоративной перегородкой из резного дерева. Меня не было видно, но я видела их идеально.

Напротив Артура сидела девушка.

Молодая. Очень молодая, лет двадцати двух. Жгучая брюнетка с хищным, красивым лицом и пухлыми губами, которые сейчас кривились в капризной улыбке. На ней был жакет, который стоил как половина моего (бывшего) салона, и массивные серьги, ловившие каждый луч света.

Я знала этот типаж. «Дочь партнера» или «Золотая молодежь». Девочки, которые рождаются с серебряной ложкой во рту и никогда не знают слова «нет».

— ...ты уверен, что она не устроит истерику? — голос

девушки был низким, с легкой хрипотцой. Она поглаживала пальцем его запястье, прямо по циферблату часов.

Артур рассмеялся. Тем самым коротким, бархатным смехом, который я так любила.

— Карина, детка, о чем ты? Лиза? Истерику? — он сделал глоток воды, не убирая руки из-под её пальцев. — Она же идеальная. Удобная, как домашние тапочки. Она даже не читает, что подписывает.

Меня словно ударили под дых ледяным ломом. Воздух застрял в горле.

Я вцепилась в деревянную перегородку так, что ноготь с хрустом сломался, но я даже не почувствовала боли.

— Серьезно? — Карина хихикнула, откидывая волосы назад. — Прямо совсем не читала?

— Я сказал ей, что это для налоговой. «Оптимизация», — Артур усмехнулся, разрезая ножом стейк. Из мяса вытек розовый сок. — Ты бы видела её лицо. Столько благодарности в глазах. «Спасибо, любимый, что заботишься обо мне». Это было даже трогательно. В своей наивности.

— И что теперь? — спросила брюнетка, отправляя в рот оливку. — Салон наш?

— Салон перешел в холдинг в счет погашения моих кассовых разрывов по автопарку. Там хорошее помещение, центр, аренда копеечная, потому что договор старый. Мы его перепрофилируем. Или продадим как готовый бизнес. Это покрывает дыру в бюджете перед слиянием с твоим отцом.

Я слушала, и каждое слово было как выстрел в упор.

Он не просто забрал бизнес. Он закрыл мною свои долги.

Я была для него не женщиной. Не невестой.

Я была «активом». Ликвидным мясом, которое можно пустить в расход, когда прижмет.

— А она? — лениво поинтересовалась Карина. — Что ты будешь с ней делать? Свадьба же через два месяца. Платье, торт, все дела...

Артур отложил вилку. Вытер губы салфеткой. Его лицо стало серьезным, деловым. Таким, каким он смотрел на графики падения акций.

— Свадьбы не будет. Я заблокировал её счета и доступ в поселок. Машину заберут сегодня к вечеру.

— Жестко, — протянула девушка, но в её голосе не было сочувствия. Скорее, восхищение силой хищника. — А если

она начнет бегать по судам?

— На что? — Артур пожал плечами. — У неё нет денег на адвокатов. Все её карты были привязаны к моему счету или к счету салона, который теперь тоже мой. Она голая, Карина. Абсолютно.

Он наклонился к ней через стол, и его голос стал тише, интимнее:

— К тому же... Лиза — отработанный материал. Она красивая кукла, но внутри пустота. Она застряла в своих мечтах о «семье и уюте». А мне нужен партнер. Такой, как ты. С зубами. Твой отец ясно дал понять: слияние наших компаний возможно только при условии нашего с тобой союза.

Карина улыбнулась. Это была улыбка победительницы, которая смотрит на поверженного врага.

— Папа всегда говорил, что ты акула, Соболев.

— Я просто умею расставлять приоритеты, — он взял её руку и поцеловал кончики пальцев. — Лиза была хорошим проектом. Статусным. Но проект закрыт. Списан в утиль. Амортизация, знаешь ли.

«Амортизация».

Я почувствовала, как к горлу подкатывает желчь.

Три года жизни.

Завтраки. Поездки. Разговоры до утра. Моя забота, когда он болел гриппом. Моя поддержка, когда у него были проблемы с таможней.

Всё это он называл одним словом. Амортизация.
Меня замутило. Физически.

В глазах потемнело. Запахи еды, которые минуту назад казались аппетитными, теперь вызывали рвотный рефлекс. Запах жареного мяса смешался с запахом его одеколona и сладких духов этой девицы.

Я смотрела на него и не узнавала.

Это был не мой Артур.

Это было чудовище в дорогом костюме. Гниль, завернутая в шелк и кашемир.

Я хотела выйти. Выйти к ним. Перевернуть этот стол. Выплеснуть ему в лицо его чертово вино. Закричать так, чтобы лопнули бокалы.

«Ты вор! Ты украл мою жизнь!»

Я сделала шаг из-за перегородки.

Артур поднял глаза.

На долю секунды наши взгляды встретились.

Я ожидала увидеть испуг. Стыд. Хотя что-то человеческое.

Но я увидела только холодное раздражение.

Он не вздрогнул. Не убрал руку от пальцев Карины.

Он просто посмотрел на меня, как смотрят на официанта, который принес не то блюдо. С брезгливостью и скукой.

В его взгляде читалось: «Ты еще здесь? Почему ты не исчезла?»

И этот взгляд сломал меня окончательно.

Если бы он испугался — я бы напала.

Но его равнодушие уничтожило меня. Я поняла, что для него я уже не существую. Я — призрак. Статистическая погрешность. Мусор, который забыли вынести.

Я не смогла ничего сказать. Голос умер.

Я просто развернулась и побежала.

— Девушка! Девушка, стойте! — крикнул кто-то из персонала.

Я неслась к выходу, сбивая стулья. Слезы, которые я сдерживала всё это время, хлынули потоком, ослепляя меня.

Я вылетела на улицу, под дождь, который теперь казался спасением. Он хотя бы смывал эту грязь.

Я бежала по мокрому тротуару, не разбирая дороги. Каблуки скользили, я подворачивала ноги, но боли не было.

Было только ощущение, что меня выпотрошили. Вынули душу, прокрутили через мясорубку и выставили счет.

«Отработанный материал».

«Пустая кукла».

«Списана в утиль».

Я остановилась только через пару кварталов, когда легкие начали гореть огнем. Прислонилась к холодной стене какого-то здания, сползла вниз, на корточки, прямо в грязь.

Мимо шли люди. Кто-то брезгливо обходил меня сторо-

ной.

— Вам плохо? — спросила какая-то женщина, замедлив шаг.

Я подняла на неё глаза. Тушь текла по щекам черными ручьями.

— Мне никак, — прошептала я. — Меня нет.
Я достала телефон. 4% зарядки.

На экране светилось уведомление от календаря: «15:00. Примерка свадебного платья. Салон свадебной моды».

Я смотрела на эти буквы и истерически смеялась, размазывая грязь по лицу.

Свадьбы не будет.

Салона нет.

Дома нет.

В кармане завибрировал телефон. Входящий звонок.

Незнакомый номер.

Я механически нажала «Принять».

— Елизавета Дмитриевна Волкова? — грубый мужской голос.

— Да...

— Кредитный отдел вашего банка. Елизавета Дмитриевна, у вас просрочен платеж по корпоративному кредиту, где вы выступаете поручителем как физлицо. Ваш основной счет заблокирован, списание не прошло. — Какому кредиту? — прохрипела я. — На расширение автопарка компании. Сумма полного погашения в случае дефолта заемщика — двенадцать миллионов рублей. Если до завтра платеж не поступит, мы будем вынуждены начать процедуру взыскания с ваших личных счетов и имущества.

Я сбросила вызов.

Двенадцать миллионов.

Он не просто забрал всё. Он повесил на меня свои долги.

Он закопал меня заживо.

Я посмотрела на свои руки. Тонкие пальцы, дорогое кольцо с крупным камнем на безымянном пальце.

Я сорвала его. С мясом, царапая кожу.

Замахнулась, чтобы выкинуть в водосток.

Но рука замерла.

Нет.

Это кольцо стоит денег.

А деньги мне сейчас нужны, чтобы просто не сдохнуть с голоду.

Я сжала кольцо в кулаке так, что грани камня впились в ладонь.

Встала. Ноги дрожали, но держали.

Дождь смыл с меня лоск, смыл «девушку с картинки».

Осталась только злость. Холодная, черная, тяжелая злость.

И страх.

Мне некуда было идти.

Хотя...

В памяти всплыл адрес. Улица Солянка.

Квартира, которую я купила год назад «по приколу», потому что риелтор сказал, что это «выгодная инвестиция в бетон». Старая убитая «сталинка», в которой я затеяла ремонт и забыла про него.

Я даже не знала, на какой стадии там работы. Я никогда не видела прораба. Я просто переводила деньги через приложение.

Это было единственное место в Москве, которое юридически принадлежало мне. И которое Артур, в своей самоуверенности, мог упустить из виду. Или посчитал, что эта развалюха ничего не стоит.

Я поправила мокрый воротник тренча. Ткань неприятно липла к шее.

Мне нужно было переодеться. Согреться. Смыть с себя этот день.

Но во что?

Все мои вещи остались в доме, куда вход мне заказан.

Машина?

Я усмехнулась, глядя на пустую дорогу.

Машины у меня тоже нет. Артур сказал ясно: «Амортизация». Лизинговая компания, скорее всего, уже заблокировала двигатель или вообще эвакуировала её с парковки фитнес-клуба, где я её оставила. Даже если она там — у меня нет ключей. Их забрал помощник Артура вместе с пропуском в салон.

Я осталась в том, в чем стояла. В мокром тренче и грязных туфлях.

Паника, холодная и липкая, начала подниматься от желудка к горлу.

Я — бомж.

У меня нет даже сменного белья.

Стоп.

Вспышка в памяти.

Вчера.

Я заезжала в химчистку на Малой Бронной. Туда, где чистят деликатные ткани.

Я сдавала туда свои осенние вещи: пару кашемировых костюмов, теплый кардиган и то самое шерстяное пальто, которое Артур называл «одеялом».

Я должна была забрать их сегодня вечером.

Квитанция! Она электронная, в приложении.

Я судорожно достала телефон. 3% зарядки.

Пальцы скользили по мокрому экрану.

«Заказ № 4590 готов к выдаче. Срок хранения истекает сегодня».

Господи.

Это было всё, что у меня осталось. Пару вешалок с чистой, сухой одеждой.

Это не чемодан с брендовыми луками, но это хотя бы тепло. Это шанс не замерзнуть насмерть в бетонной коробке на Солянке.

Я посмотрела на карту. Химчистка в двух кварталах отсюда. Они закрываются в девять.

Я успею.

Я должна успеть.

Я сжала в руке телефон, как спасательный круг.

У меня была цель.

Добраться до химчистки. Забрать свои вещи. И доехать до Солянки.

В квартиру, которую я купила «по приколу». В старую убитую «сталинку», где я затеяла ремонт и забыла про него.

Я даже не знала, на какой стадии там работы. Я никогда не видела прораба. Я просто переводила деньги через приложение.

Но это было единственное место в Москве, которое юридически принадлежало мне. И которое Артур, в своей самоуверенности, мог упустить из виду. Или посчитал, что эта развалюха ничего не стоит.

Я пошла к метро.

Впервые за пять лет я спускалась в подземку.

Запах сырости, пыли и чужих тел ударил в нос. Турникеты

щелкали, как гильотины.

Я приложила телефон к валидатору, молясь, чтобы там, на виртуальной карте, остались хоть какие-то деньги с тех времен, когда я еще ездила на аэроэкспрессе.

Зеленый свет.

Прошла.

Я ехала в свою новую жизнь. С пустыми руками, с долгом в двенадцать миллионов и с надеждой забрать из химчистки старое пальто.

«Ты списал меня в утиль, Артур, — подумала я, глядя на свое отражение в темном стекле вагона. — Но ты забыл одну вещь.

Мусор не мстит.

А я буду».

Глава 4. Путь на дно

Дверь химчистки звякнула колокольчиком, отсекая меня от теплого, пахнущего лавандой и паром мира. Я шагнула обратно в ледяную московскую осень.

В руках у меня была громоздкая, шуршащая охапка. Три вешалки, упакованные в плотный полиэтилен: два шерстяных костюма и то самое пальто-одеяло цвета верблюжьей шерсти. Мое единственное приданое. Мой спасательный круг.

Дождь, казалось, ждал именно этого момента, чтобы припустить с новой силой. Крупные холодные капли забарабанили по пленке чехлов, по моим плечам, по лицу.

Я стояла на крыльце и судорожно шарила по карманам тренча, надеясь на чудо.

Пусто.

В правом кармане лежал только чек. В левом — фантик от мятной конфеты и транспортная карта, на которой после поездки от ресторана до химчистки остался ноль.

Память услужливо, с садистской точностью подкинула картинку двухчасовой давности.

Поездка на такси в ресторан.

Я тогда еще была полна надежд. Я ехала к Артуру, уверенная, что это недоразумение.

Водитель — мрачный тип, который всю дорогу молчал. Мы остановились у входа. Приложение показало стоимость — шестьсот рублей. Я, не глядя, вытащила из сумочки ту самую мятую пятитысячную купюру — единственные наличные, что валялись в кармане с зимы.

— Сдачи не будет, — буркнул он. — Мелочи нет.

И я, по старой, въевшейся в подкорку привычке, махнула рукой.

— Оставьте себе.

Я просто вышла. Хлопнула дверью и пошла в ресторан, цокая каблуками. Я действовала на автомате, как человек, для которого четыре тысячи — это цена пары коктейлей. Я не думала о деньгах. Я думала о том, как буду мириться с женихом.

Идиотка.

Какая же я клиническая идиотка.

Я отдала последние живые деньги чаевыми таксисту. Я собственноручно лишила себя шанса на еду, на воду, на такси до дома.

Потом был ресторан. Предательство. Бегство.

Потом метро — я чудом нашла в недрах сумки старую транспортную карту, на которой хватило баланса ровно на одну поездку.

Я доехала до химчистки. Забрала вещи.

И теперь я стояла на улице с нулем в кармане и двумя процентами зарядки в телефоне.

Я открыла навигатор.

Улица Солянка.

Пешком — 35 минут.

На такси — 10 минут.

Но такси для меня теперь — роскошь, недоступная, как полет на Луну.

Я посмотрела на небо. Оно было цвета грязного асфальта, низкое, давящее.

— Ну что ж, Волкова, — прошептала я, перехватывая скользкие вешалки поудобнее. — Добро пожаловать в пеший тур по Москве. Говорят, полезно для фигуры.

Я шагнула с крыльца прямо в лужу.

Тонкие замшевые лоферы мгновенно промокли насквозь. Ледяная жижа хлюпнула внутри, обжигая пальцы ног.

Я стиснула зубы, поправила сползающий с плеча воротник и пошла.

Путь лежал через центр. Мимо красивых витрин, мимо ресторанов, где за стеклом люди пили вино, резали стейки и смеялись. Теплый золотистый свет лился на мокрый тротуар, но он не грел. Он только подчеркивал, что я теперь по другую сторону стекла. Я — за бортом.

Я шла мимо них, как призрак.

Пакет с вещами был тяжелым. Неудобные пластиковые крючки вешалок врезались в ладонь, пережимая кровоток. Полиэтилен шуршал при каждом шаге, привлекая внимание.

На меня оборачивались.

Женщина в дорогом, но грязном плаще, с потекшей тушью, тащит на себе ворох одежды под проливным дождем.

Не гламурная леди с пакетами из бутика. А беженка из собственной жизни.

Я шла по бульварам. Ветер здесь был злее, он швырял горсти мокрых листьев мне в лицо, пытаясь сбить с ног.

Руки замерзли так, что я их почти не чувствовала. Костяшки побелели. Приходилось менять руку каждые пять минут. Сначала правая, потом левая. Когда пальцы совсем немели, я прижимала охапку к груди, как ребенка.

Остановиться нельзя. Если я остановлюсь — я сяду на мокрую скамейку и просто сдохну от жалости к себе.

— Девушка, помощь нужна? — окликнул кто-то.

Я шарахнулась в сторону. Компания парней под навесом остановки. Смешки, запах пива.

— Нет! — рявкнула я и ускорила шаг, почти переходя на бег.

Пакет зацепился за ветку куста, пленка порвалась с противным звуком.

— Черт! — я чуть не выронила всё в грязь.

Прижала одежду к груди, пытаюсь закрыть дыру в чехле своим телом. Только бы не намочить пальто. Если шерсть напитается водой, она станет неподъемной. И я замерзну ночью. А это пальто — мое единственное одеяло.

Тридцать пять минут превратились в вечность.

Я не чувствовала ног. Лоферы, сшитые итальянскими мастерами для прогулок по сухим набережным, превратились в орудие пытки. Они натерли пятки до крови, каждый шаг отдавался болью.

Но я шла.

Я думала об Артуре. О том, как он сейчас сидит в тепле, в своем кабинете с видом на огни города, и, наверное, уже забыл о моем существовании. Для него я — закрытая графа в отчете.

Эта злость грела меня лучше любого пуховика.

«Я дойду. Я выживу. Я тебе еще покажу, кто тут "пустое место"».

Наконец, показалась Солянка.

Огромные серые доходные дома нависали над улицей, как скалы. Старая Москва. Здесь не было глянца, здесь пахло историей и выхлопными газами.

Дом номер 1. Строение 2.

Я свернула в арку.

Здесь было темно и тихо. Шум города остался снаружи, словно его выключили тумблером.

Двор-колодец. Классический московский двор, зажатый между высокими стенами.

Облезлые желтые фасады, тусклый фонарь над подъездом, запах мокрого кирпича и прелой листвы.

Посреди двора рос старый тополь, корни которого взломали асфальт, как вены.

Я подошла к нужному подъезду.

Номер 3.

Тяжелая железная дверь, покрытая слоями старой краски — зеленой поверх синей. Домофон с выжженными кнопка-

ми.

Я поставила пакеты на относительно сухой пяточок у крыльца и попыталась отдышаться. Пар вырывался изо рта облаками.

Руки тряслись так, что я не могла попасть пальцем в кнопку.

Код?

Я не знала кода.

Ключи?

Их не было.

Я стояла перед закрытой дверью своего единственного убежища.

Я достала телефон, надеясь найти код в старых сообщениях.

Нажала на кнопку разблокировки.

Черный экран.

Он умер окончательно еще на полпути.

Я нажала кнопку вызова на домофоне наугад.

Тишина.

Еще раз. Квартира 45.

— Кто? — прохрипел недовольный старческий голос.

— Откройте, пожалуйста! Я ключи забыла! — крикнула я, стараясь, чтобы голос не срывался на визг.

— Знаем мы вас, забывчивых. Ходят тут, закладки ищут! Понаехали наркоманы! — динамик щелкнул и отключился.

Я прислонилась лбом к холодному металлу двери.

Сил не было.

Я сползла вниз, прямо на корточки, обнимая свои пакеты.

Всё. Финиш.

Я буду ночевать здесь, на крыльце, под козырьком, пока не околею.

Вдруг дверь пискнула.

Я подскочила, как ужаленная.

Из подъезда вышел парень в надвинутом на глаза капюшоне, ведя на коротком поводке огромного ротвейлера. Собака глухо рыкнула в мою сторону, блеснув глазами.

— Осторожно, — буркнул парень, натягивая поводок и даже не глядя на меня.

Я не стала ждать. Я схватила свои вешалки и юркнула в открывшуюся щель, прежде чем магнитный доводчик успел притянуть дверь обратно.

Внутри пахло старым супом, кошками и сыростью.

Темнота. Лампочка на первом этаже мигала, как стробоскоп, отбрасывая дерганные тени.

Лифта не было. Точнее, шахта была, но двери были заколочены фанерой с надписью черным маркером: «Лифт на замене. Ходите пешком, полезно для здоровья».

Четвертый этаж.

Я тихо застонала.

Но выбора не было.

Я потащила свою ношу вверх. Ступени были высокими, стертыми посередине миллионами шагов за сто лет. Перила липкие.

На втором этаже кто-то курил на площадке. Я прошла мимо, вжав голову в плечи, стараясь не встречаться взглядом с темной фигурой у окна.

На третьем за дверью орали друг на друга мужчина и женщина. Звук бьющейся посуды эхом разносился по лестнице, заставляя вздрагивать.

Четвертый этаж.

Я остановилась перед дверью с номером 12.

Моя квартира.

Я ожидала увидеть новую стальную дверь — я ведь оплачивала её в первом транше! В смете черным по белому было написано: «Демонтаж старой двери, установка сейф-двери премиум-класса с шумоизоляцией».

Вместо этого передо мной была старая, деревянная дверь, обитая дерматином, из которого ключьями торчала рыжая вата. На ней мелом было коряво написано «Ремонт».

Меня кинули.

Еще и здесь. Подрядчик взял деньги за дверь и не поставил её. Или поставил самую дешевую временку, а разницу положил в карман.

Я толкнула створку.

Она подалась со скрипом. Не заперто.

Сердце ухнуло вниз.

Если не заперто, значит, там кто-то есть? Бомжи? Наркоманы? Или рабочие просто забыли закрыть объект на ночь?

Я шагнула в темноту прихожей.

Под ногами захрустело.

Запах.

Резкий, густой запах бетонной пыли, дешевого табака и сырой штукатурки.

— Эй? — позвала я. Голос дрожал и срывался. — Есть кто живой?

Тишина.

Только шум дождя за окном и мое собственное сиплое дыхание.

Я сделала еще шаг, вытянув руку вперед, как слепая.

Темнота была абсолютной, плотной, как вата. Окна, видимо, были занавешены или заклеены пленкой.

Я не видела ничего.

Ни стен, ни пола.

Я попыталась нащупать выключатель на стене слева. Пальцы скользнули по голому кирпичу. Шершавому, холодному, пыльному.

Никаких обоев. Никакой краски.

Голые стены.

Значит, ремонт идет? Или стоит? Или здесь вообще ничего не делали полгода?

Я сделала еще шаг — и зацепилась ногой за что-то твердое.

Мешок с цементом? Коробка с плиткой?

Я потеряла равновесие. Пакеты с одеждой, которые я прижимала к груди, перевесили.

Я полетела вперед.

Нелепо взмахнула руками, пытаясь ухватиться за пустоту.

Удар.

Колени пронзила острая боль — я упала на что-то твердое и рассыпчатое. Камни? Строительный мусор?

Ладони обожгло. Пленка на одежде лопнула с треском.

— Твою мать! — вырвалось у меня. Громко, с отчаянием, на всю пустую квартиру.

И в этот момент темнота взорвалась светом.

Где-то в глубине квартиры, там, где должна быть кухня, вспыхнул луч. Яркий, белый, ослепляющий.

Он ударил мне прямо в лицо, заставив зажмуриться до цветных кругов перед глазами.

— Стоять! — рявкнул мужской голос. Низкий, хриплый и очень злой. — Руки так, чтобы я видел! Не двигаться!

Я замерла на четвереньках, в грязи, среди рассыпанного керамзита, ослепленная фонарем.

Паника накрыла меня с головой.

Это не рабочие.

Это грабители. Я сама пришла в ловушку.

— Не подходите! — взвизгнула я, пытаюсь отползти назад, к двери. — Я вызову полицию!

— Ты вызовешь? — голос усмехнулся. Зло и устало. — Я сейчас сам наряд вызову. Совсем страх потеряли? Уже внаглую лезете, даже дверь не ломаете?

Шаги. Тяжелые, уверенные. Звук подошв, сминающих бетонную крошку.

Луч света дернулся, скользнул по моим ногам, по грязному тренчу, по валяющимся рядом пакетам из химчистки, из которых вывалился рукав моего дорогого пальто.

— Ну и видок, — протянул голос. — Ты откуда такая нарисовалась, красавица? С помойки?

Я попыталась сфокусировать взгляд.

За лучом света стояла огромная темная фигура.

Мужчина.

Широкие плечи, какая-то рабочая куртка. И в руке у него было что-то тяжелое и металлическое.

Я поняла, что мой путь на дно закончился.

Я достигла дна.

И на этом дне меня ждал какой-то мужик с монтировкой.

Глава 5. Чужой (Встреча)

Луч фонаря бил в глаза, выжигая сетчатку. Я щурилась, пытаюсь прикрыться ладонью, но свет был безжалостным, как прожектор на допросе.

Я сидела на корточках в куче строительного мусора, прижимая к груди грязные пакеты с одеждой, и чувствовала себя загнанным зверем.

Сердце колотилось где-то в горле, перекрывая доступ кислороду.

— Я сказал, не двигаться! — рявкнул голос.

Он был низким, хриплым и вибрирующим от злости. Так рычит большая собака перед тем, как вцепиться в глотку.

Я увидела, как тень шагнула ко мне. Огромная, широкая. Мужчина.

В правой руке он держал что-то длинное и железное. Разводной ключ? Монтировку?

В левой — тот самый мощный строительный фонарь.

— Пожалуйста... — просипела я. Голос сел от холода и

страха. — Не надо. Я не воровка.

— Ага, конечно, — он усмехнулся, и от этого звука у меня по спине пробежали мурашки. — А кто ты? Фея-крестная? Или закладчица, которая дверью ошиблась? Вали отсюда, пока я полицию не вызвал. Или пока сам тебя не вышвырнул.

Он сделал еще шаг. Подошвы его тяжелых ботинок с хрустом впечатались в керамзит.

Я вжалась спиной в шершавую кирпичную стену. Холод камня прошел сквозь мокрый тренч, касаясь кожи.

— Я хозяйка! — выкрикнула я, зажмурившись. — Это моя квартира! Я Волкова! Елизавета Волкова!

Тишина.

Только шум дождя за окном и мое прерывистое дыхание.

Луч света дернулся. Он больше не бил мне в лицо, а скользнул вниз. Осветил мои дрожащие руки, грязные колени, разорванный пакет с пальто, из которого торчал рукав цвета верблюжьей шерсти. Потом луч поднялся выше, осветив мое лицо.

Я моргнула, пытаясь рассмотреть его.

Он стоял в двух шагах.

Высокий. Очень высокий. Я со своими метр семьдесят пять едва доставала бы ему до подбородка.

На нем была серая футболка, вся в белесых разводах от штукатурки, и рабочие штаны с кучей карманов, оттянутых инструментами. Руки были грязными, в ссадинах и пыли. Мощные предплечья, перевитые венами.

Лицо было скрыто в полумраке, но я видела жесткую линию челюсти, трехдневную щетину и глаза. Темные, глубоко посаженные, смотрящие на меня со смесью презрения и недоверия.

— Волкова? — переспросил он. Тон был пропитан скепсисом, как губка водой. — Серьезно?

— Да! — я попыталась встать, но ноги затекли и не слушались. Пришлось остаться на полу, что было унижительно до слез. — Я собственница. У меня документы есть. В сумке.

Он хмыкнул. Опустил монтировку (или что это было), но фонарь не убрал.

— Волкова — это фифа из приложения, — сказал он, разглядывая меня как диковинное насекомое. — Я с ней договор подписывал. Там на аватарке была леди в пиджаке, с

укладкой и взглядом королевы Англии. А ты...

Он сделал паузу, подбирая слово.

— А ты похожа на мокрую курицу, которую протащили через канализацию. Без обид.

Меня словно пощечиной ударили.

Я, Елизавета Волкова, которая тратила на уход за собой больше, чем средний житель этого города зарабатывает за год, сижу в грязи, и какой-то работяга называет меня курицей.

Гнев — это хорошее топливо. Он выжег страх.

Я рывком поднялась на ноги. Пошатнулась, схватилась за стену, но устояла.

Вздернула подбородок, стараясь вернуть себе хоть каплю достоинства, несмотря на то, что с волос капала грязная вода.

— Выбирайте выражения, — процедила я ледяным тоном, который обычно заставлял моих администраторов бледнеть. — Я требую объяснений. Кто вы такой? И что вы делаете в моей квартире ночью? Я не нанимала сторожа. Я нанимала строительную фирму. Где прораб?

Он рассмеялся. Это был короткий, лающий смех, от которого в пустой квартире возникло эхо.

— Требуется она, — он покачал головой. — Ну, раз требуется...

Он шагнул ко мне вплотную.

От него пахло не дорогим парфюмом, к которому я привыкла, а чем-то резким, живым и грубым. Древесной стружкой, табаком и металлом. Странно, но этот запах не вызывал отвращения. Он был... настоящим. Заземляющим.

— Я Роман, — сказал он просто. — Владелец фирмы «Монолит», с которой вы, Елизавета Дмитриевна, заключили договор. Электронно. Не глядя.

Я моргнула.

— Вы... владелец?

Я окинула взглядом его грязную футболку и пыльные ботинки.

— А выглядите как разнорабочий.

— Жизнь такая, — он пожал плечами. — Мой электрик,

Вася, ушел в запой три дня назад. У него, видите ли, душа болит. А у меня сроки горят. И в договоре, который вы подписали, прописана конская неустойка за каждый день просрочки сдачи этапа. Вы же сами настояли на этих пунктах. «Жесткие дедлайны, никаких оправданий». Помните?

Я помнила. Я действительно просила юриста составить максимально жесткий договор, чтобы «эти строители не расслаблялись». Тогда мне казалось это правильным менеджментом.

— И что? — спросила я. — У вас нет других электриков?

— Другие на объектах. А этот этап нужно сдавать, иначе штраф. Вот я и приехал. Тряхнуть стариной, вспомнить молодость. Штроблю, тяну провода. Сам. Чтобы ваше высочество не выставило мне счет.

Он направил луч фонаря на стену за моей спиной. Там, в кирпиче, были свежие борозды, из которых торчали провода.

— Я тут работаю, — продолжил он, снова посветив на меня. — А тут вламываетесь вы. Ночью. Без звонка. В таком виде. Что я должен был подумать? Что вы с инспекцией приехали? Проверить качество штробления коленями?

Я почувствовала, как краска заливает лицо. Даже в темноте это, наверное, было видно.

— У меня... форс-мажор, — выдавила я.

— Заметно, — кивнул он. — Судя по тому, что вы в грязи по уши, форс-мажор был веселым. Пешком шли?

— Пешком, — огрызнулась я, отряхивая ладони. — И под дождем.

Он вздохнул, убрал фонарь от моего лица и посветил на пол.

— Ладно. Допустим, вы Волкова. Паспорт есть?

— Есть.

— Покажите.

Я начала рыться в сумке. Пальцы не слушались, дрожали. Я выронила ключи от машины (бесполезные), помаду, расческу. Наконец, нашла паспорт.

Протянула ему.

Он взял документ своими огромными, шершавыми пальцами. Открыл. Посветил на фотографию.

Там я была другой. Идеальная укладка, уверенный взгляд, легкая улыбка. Женщина, у которой всё под контролем.

Он перевел взгляд с фото на меня. На мои слипшиеся волосы, размазанную тушь, бледное лицо.

— Да уж, — хмыкнул он. — Жизнь вас потрепала, Елизавета Дмитриевна. Фотошоп творит чудеса, но сходство есть. Глаза те же. Злые.

Он вернул мне паспорт.

— Ну, добро пожаловать на объект. Только каски у меня лишней нет. И бахил тоже.

Он развернулся и пошел вглубь квартиры.

— Закройте дверь, дует, — бросил он через плечо. — И не наступайте на гофру на полу, раздавите.

Я стояла, прижимая к себе паспорт, и не могла сдвинуться с места.

Он ушел? Просто так?

— Подождите! — крикнула я.

Он остановился. Овернулся, осветив меня сбоку.

— Чего еще? Вы проверили? Я работаю. Претензии есть? Если нет — до свидания. Приезжайте завтра в рабочее время, когда тут будет светло и чисто.

— Я не могу уехать, — тихо сказала я.

— Почему? Такси вызвать не можете? Телефон сел? Дам зарядку, не проблема.

— Нет, — я сглотнула ком в горле. — Мне... мне некуда ехать.

Он помолчал. Луч фонаря замер на моих руках, которые судорожно сжимали грязный воротник тренча.

— В смысле? — его голос стал серьезнее. — Домой езжайте. В тот особняк, адрес которого у вас в договоре указан.

— Нет у меня больше особняка, — слова вырвались сами, как выдох. — И дома нет. И денег нет. Ничего нет. Только эта квартира.

Роман шагнул назад, ко мне. Теперь он смотрел внимательно, без насмешки.

— Вы сейчас шутите?

— Похоже, что я шучу? — я развела руками, и пакеты с одеждой снова шлепнулись в грязь. — Я банкрот. Меня выгнали. Всё забрали. Я пришла сюда пешком, потому что у меня нет денег на метро. Это всё, что у меня осталось. Эти стены и... и вот это пальто.

Я указала на жалкую кучу на полу.

Он молчал. Я не видела его глаз, но чувствовала, как он сканирует меня. Пытается понять: вру я, играю какую-то роль или действительно сошла с ума.

— Вы хотите сказать, — медленно произнес он, — что собираетесь здесь жить? Прямо сейчас?

— Да.

— Здесь? — он обвел лучом пространство. — Леди, вы в своем уме? Посмотрите вокруг.

Он начал водить лучом по стенам.

— Стен нет. Пола нет — только стяжка, и та не везде высохла. Пыль столбом. Воды нет — стояки перекрыты, трубы меняем. Унитаз стоит в коробке, не подключен. Электричества нет — я работаю от временного щитка. Тут даже крысам неуютно. Температура — плюс десять, окна сифонят. Вы

здесь околеете к утру.

— Я справлюсь, — упрямо сказала я, хотя зубы начали выбивать дробь. — Включите мне какой-нибудь обогреватель. И свет. Я лягу в углу. Я не буду мешать.

— Нет, — отрезал он. — Это стройплощадка. Объект повышенной опасности. Посторонним здесь находиться запрещено. Тем более ночевать. Если вам на голову упадет кирпич или вы влезете в оголенный провод — отвечать буду я. Мне уголовка не нужна.

— Я не посторонняя! — крикнула я. — Я собственница! Я имею право!

— А я подрядчик, который несет ответственность за объект! — он тоже повысил голос. — Пока вы не подписали акт приемки, здесь командую я. И я говорю: нет. Езжайте в отель. К подругам. К маме. Куда угодно. Здесь жить нельзя.

— У меня нет денег на отель! — заорала я, чувствуя, как истерика накрывает меня с головой. — Вы не понимаете?! У меня ноль! Ноль рублей! Мне не к кому идти! Все отвернулись! Если вы меня выгоните, я буду ночевать на лестнице, под вашей дверью!

Я замолчала, тяжело дыша. В тишине было слышно, как капает вода с моего плаща на бетон.

Роман смотрел на меня. Долго.

Потом он выругался. Грязно, витиевато.

— Твою мать!

Звон металла — он бросил свой инструмент на пол.

Подошел ко мне вплотную.

Я инстинктивно отшатнулась, но он не собирался меня бить.

Он посветил мне прямо в лицо. Я зажмурилась.

— Открой глаза, — приказал он.

Я открыла.

Он смотрел мне в зрачки. Внимательно, цепко.

— Ты не под кайфом? — спросил он жестко.

— Нет. Я просто устала. И замерзла.

— Ела когда?

— Утром. Кофе.

Он вздохнул. Провел ладонью по лицу, скребя щетину.

— Так. Ясно.

Он наклонился и поднял мои пакеты с одеждой. Легко, одной рукой, будто они ничего не весили.

— Идем.

— Куда? — испугалась я. — Выгоняете?

— Вглубь иди, говорю. Там, где кухня, меньше дует. И там есть розетка.

Я не поверила своим ушам.

— Вы... вы разрешаете?

— Я не разрешаю, — буркнул он, шагая в темноту. — Я нарушаю все мыслимые инструкции. Но выкидывать бабу на улицу в дождь — это еще хуже. Идем, пока я не передумал.

Я поплелась за ним, спотыкаясь на неровном полу.

Мы прошли через коридор в то, что должно было стать кухней-гостиной. Здесь действительно было чуть теплее. Окно было затянуто плотной пленкой.

Посреди комнаты стоял раскладной стол, заваленный чертежами, и пара ящиков с инструментами. В углу лежал свернутый рулон утеплителя.

Роман бросил мои вещи на ящик.

Поставил фонарь на стол, направив его в потолок. Свет рассеялся, стало не так страшно. Тени по углам стали мягче.

— Садись, — он кивнул на рулон утеплителя. — Это самое чистое место здесь.

Я села. Ноги подогнулись, и я рухнула на этот колючий, шуршащий сверток, как мешок с картошкой.

Сил не было. Адреналин, который гнал меня через весь город, закончился, оставив после себя звенящую пустоту. Мокрый плащ лип к спине, ледяная дрожь пробирала до костей. Зубы стучали так, что я не могла их разжать.

Я перевела взгляд на свои пакеты из химчистки, валяющиеся на ящике.

— Можно... — я запнулась, обхватив себя руками. — Отвернитесь, пожалуйста. Мне нужно снять мокрое.

Роман посмотрел на меня, молча кивнул и отвернулся к стене, делая вид, что очень увлечен щитком.

Трясушимися руками я стянула грязный плащ и влажный кашемировый свитер. Вытащила из разорванного чехла сухой шерстяной костюм. Ткань пахла лавандой и нормальной жизнью. Я торопливо влезла в него, чувствуя, как уходит самая страшная сырость, но согреться до конца всё равно не могла — внутри будто поселился кусок льда.

— Всё, — тихо сказала я, садясь обратно на минвату.

Роман повернулся. Оценил мой вид.

— М-да. Картина маслом. «Приплыли», — вздохнул он.

Он снял с себя куртку. Плотную, рабочую, на флисе. Остался в одной футболке.

Подошел и набросил куртку мне на плечи.

Она была тяжелой, теплой и пахла им. Этот запах окутал меня, как кокон.

— Спасибо, — прошептала я.

Он не ответил. Отошел к столу, порылся в рюкзаке. Достал термос.

Открутил крышку. В воздух поднялся пар. Запахло кофе. Не дорогим эспрессо, а простым, растворимым кофе, но сейчас этот запах показался мне божественным.

Он налил дымящуюся жидкость в крышку термоса.

— На. Пей. Сахара там дофига, тебе сейчас надо. Мозги включить.

Я взяла крышку обеими руками, пытаюсь согреть ледяные пальцы.

Сделала глоток.

Горячо. Сладко. Отвратительно и прекрасно одновременно.

Тепло разлилось по пищеводу, достигло желудка. Дрожь начала отступать.

Роман прислонился бедром к столу, скрестив руки на груди. В свете фонаря его бицепсы казались литыми.

Он смотрел на меня. Теперь в его взгляде не было презрения. Было любопытство. И что-то еще... Жалость? Нет, ско-

рее, недоумение.

— Ну рассказывай, Волкова, — сказал он тихо. — Кто тебя так?

Я подняла на него глаза.

Впервые за этот бесконечный день кто-то смотрел на меня не как на функцию, не как на кошелек и не как на мусор.

Он смотрел на меня как на человека.

И меня прорвало.

Нет, я не стала рассказывать подробности. Я просто закрыла лицо ладонями и заплакала.

Тихо, беззвучно. Слезы текли по щекам, капали в кофе.

Я плакала от усталости, от обиды, от того, что сижу на куче минваты в чужой куртке и пью кофе из крышки термоса с незнакомым мужиком, который оказался человечнее, чем мой жених.

Он не стал меня утешать. Не стал говорить глупостей вроде «всё будет хорошо».

Он просто стоял рядом. Молча. Охраняя мою истерику.

И это было лучшее, что он мог сделать.

Когда я немного успокоилась и вытерла лицо рукавом его куртки (господи, стыдно-то как), он спросил:

— Телефон дай. Заряжу.

Я протянула ему свой мертвый смартфон.

Он подключил его к пауэрбанку, который лежал на столе. Экран загорелся.

— Связь тут ловит хреново, — предупредил он. — Стены толстые.

— Мне некому звонить, — сипло сказала я.

— Понятно.

Он помолчал.

— Значит так, хозяйка. Сегодня ночуешь здесь. Я закончу с проводкой через час и уеду. Закроешься изнутри на задвижку. Я покажу как. Утром, в восемь, придут мои орлы. Бригада. Они шумные, матом ругаются, но безобидные. Я их предупрежу, чтобы не орали.

— Спасибо, — снова сказала я.

— Не за что, — он отмахнулся. — Но учти. Это разовая акция. Завтра будем решать, что с тобой делать. Жить на стройке нельзя. Это не каприз, это факт. Тут пыль цементная, легкие посадишь. Воды нет. Мыться негде.

— Я что-нибудь придумаю, — соврала я. Я знала, что ничего я не придумаю.

— Ну-ну. Придумает она.

Он отошел к стене, взял перфоратор.

— Я буду шуметь. Потерпишь?

— Мне всё равно.

— Вот и славно. Допивай кофе и ложись. Вон там, — он кивнул на угол, где лежали еще какие-то упаковки. — Я тебе подложку постелил из пеноплекса. Жестко, но тепло. Куртку оставь себе.

Он надел защитные очки, повернулся к стене и нажал на курок.

Взвыл перфоратор. Звук ударил по ушам, пыль полетела во все стороны.

Но странное дело.

Этот адский шум не раздражал. Наоборот.

Он был монотонным, рабочим, живым.

Это был звук того, что кто-то делает дело. Чинит. Строит.

Не болтает, не врет, не подписывает бумажки. А просто работает.

Я допила кофе. Свернулась калачиком на листах пеноплекса, укрывшись его курткой с головой.

От куртки пахло мужчиной.

Под этот грохот и этот запах я провалилась в сон, как в черную яму.

И впервые за день мне не было страшно.

Дорогие читатели!

Большое спасибо, что заглянули в мою историю!

Добавляйте в библиотеку, чтобы не потерять и ставьте звездочку — это очень меня мотивирует :)

Подписывайтесь на меня, так мы точно не потеряемся:

https://litnet.com/shrt/_DCI

Глава 6. Утро в бетоне

Первым, что я почувствовала, был запах.

Не привычный аромат кондиционера для белья и озона, не запах кофе, который готовит машина на первом этаже.

Это был запах чужого мужчины.

Терпкий, густой микс из древесной стружки, табака и чего-то теплого, животного. Этот запах был везде — он забился мне в нос, пропитал волосы, он укутывал меня, как кокон. Я открыла глаза.

Вместо высокого белого потолка с лепниной я увидела серый, шершавый бетон, по которому змеились черные провода в гофре.

Вместо мягкого матраса подо мной было что-то жесткое и ребристое.

Я попыталась пошевелиться, и тело отозвалось такой болью, будто меня всю ночь били палками. Шея затекла, спина ныла, ноги гудели.

Память вернулась не сразу. Секунду я лежала, тупо глядя

на свисающую с потолка лампочку Ильича, и пыталась понять, в каком я отеле.

А потом реальность обрушилась на меня бетонной плитой.

Артур. Ресторан. «Отработанный материал». Дождь. Химчистка.

Я в своей квартире на Солянке. Я сплю на куче утеплителя, укрытая курткой прораба, которого видела первый раз в жизни.

Я резко села. Голова закружилась.

В комнате было светло. Серый утренний свет пробивался сквозь заклеенное пленкой окно, высвечивая миллионы пылинок, танцующих в воздухе.

Вокруг царил хаос. Мешки со смесями, стопки гипсокартона, инструменты. Мои пакеты с одеждой валялись на ящике, как куча мусора.

Я посмотрела на себя.

Шерстяной костюм, который я надела ночью, собрал на себя всю бетонную пыль и покрылся серыми разводами. От

запаха химчистки и лаванды не осталось и следа.

Я потянулась к столу и вытащила шнур из пауэрбанка Романа. Спасибо ему — не забрал зарядник, когда уезжал за кофе. Сто процентов батареи. Хотя где-то в моей жизни остался полный заряд. Я посмотрела в черный экран телефона как в зеркало.

Господи.

Из отражения на меня смотрела панда-алкоголичка.

Тушь размазалась черными кругами до середины щек. Тональный крем пошел пятнами. Волосы, моя гордость, мое идеальное каре, превратились в слипшееся, торчащее во все стороны гнездо.

Я выглядела не просто плохо. Я выглядела жалко.

Как женщина, которая ночевала на вокзале.

Собственно, так оно и было.

Мне захотелось в душ. До зуда, до дрожи. Смыть с себя эту грязь, этот позор, этот запах стройки.

Но душа не было.

Я вспомнила слова Романа: «Воды нет. Стояки перекрыты».

Я огляделась в поисках хоть какой-то воды. На столе стояла початая пятилитровая бутылка.

Я схватила её, жадно сделала несколько глотков прямо из горла. Вода была ледяной, с привкусом пластика, но мне показалось, что это нектар.

Потом налила немного в ладонь, попыталась умыться. Ледяная вода только размазала грязь по лицу. Салфеток не было. Полотенца не было.

Я вытерлась рукавом свитера. Всё равно его уже не спасти. В животе заурчало. Громко, требовательно. Последний раз я ела вчера утром — тот самый ненавистный эспрессо.

Я огляделась. На столе лежал пакет с сушками. Видимо, еда Романа.

Я, как воровка, вытащила одну сушку. Она была каменной, с маком. Я грызла её, чувствуя, как крошки падают на колени, и думала: вот он, завтрак светской львицы.

Вдруг в коридоре лязгнула щеколда.

Я замерла, не дожидая сушку.

Звук открывания двери прозвучал как выстрел.

Роман?

Он сказал, что придет в восемь. Я посмотрела на телефон. 07:55. Пунктуальный, черт бы его побрал.

Дверь со скрипом открылась.

И тут я услышала не один голос, а целый хор. Громкий, грубый, мужской гул.

— ...да я тебе говорю, Михалыч, там стояк надо варить, а не на хомуты сажать!

— Не учи отца, и баста! Тащи правило, сейчас стяжку проверим.

— Слышь, а че свет горит? Романыч забыл выключить? Меня сковал ужас.

Это не Роман. Это бригада. Те самые «орлы», о которых он говорил.

Я вскочила, прижимая к груди куртку Романа, как щит.

Куда бежать?

Здесь не было дверей. Только пустые проемы. Я была как на ладони в этой проклятой кухне-гостиной.

Я попыталась спрятаться за стопку гипсокартона, но было поздно.

В комнату ввалились трое.

Первым шел коренастый мужик в кепке и грязном комбинезоне, с ящиком инструментов в руке. За ним — высокий, тощий парень с лестницей-стремянкой. И замыкал шествие пожилой мужчина с усами, похожий на моржа.

От них пахло улицей, дешевыми сигаретами и перегаром. Они увидели меня одновременно.

Коренастый замер, чуть не уронив ящик. Тощий врезался в него сзади стремянкой.

— Опа... — выдохнул коренастый.

В комнате повисла звенящая тишина.

Три пары глаз уставились на меня.

На женщину с размазанным лицом, в грязном дорогом свитере, сжимающую мужскую куртку и недоеденную сушку.

Я чувствовала, как краска заливает лицо, шею, уши. Мне хотелось провалиться сквозь бетон, прямо к соседям снизу. Пусть лучше они на меня орут, чем эти взгляды.

В них не было похоти. В них было недоумение. Брезгливость. И немой вопрос: «Ты чья, чучело?»

— Эт че такое? — спросил усатый, почесывая нос. — Бомжиху, что ли, пустили погреться?

— Ты глянь, она в куртке Романа Сергеича, — заметил тощий. — Может, это его... того?

— Кого «того»? — хмыкнул коренастый. — У Сергеича вкус есть. А это... кикимора какая-то.

Слезы обиды подступили к горлу.

— Я не кикимора, — просипела я. Голос дрожал. — Я хозяйка квартиры.

Они переглянулись.

— Хозяйка? — усатый сплюнул на пол (на мой пол!). — Волкова, что ль? Да не гони. Нам показывали фотку заказчицы. Там баба — огонь, вся в золоте. А ты... Ты как сюда

попала, мать? Дверь взломала?

— Я ничего не ломала! — я отступила назад, упираясь спиной в холодную стену. — Уходите! Я сейчас... я сейчас полицию вызову!

— Ты смотри, пугает, — коренастый сделал шаг ко мне. — Слышь, подруга, давай-ка на выход. Пока мы реально ментов не вызвали. Нам проблемы на объекте не нужны.

Я зажмурилась.

Сейчас они меня вышвырнут. Просто возьмут за шкурку и выкинут на лестницу, как нашкодившего кота. И будут правы. Я здесь никто. Грязь на их объекте.

— Отставить базар! — раздался властный голос от входа.

Рабочие мгновенно подобрались, как по команде «смирно».

В комнату вошел Роман.

Сегодня он выглядел иначе.

Вчера это был усталый работяга в пыли. Сегодня передо мной стоял Босс.

Он был в чистых джинсах, черной водолазке и кожаной куртке. Выбрит (почти), свеж, собран. В руке — стаканчик

с кофе и бумажный пакет.

От него веяло такой уверенностью и силой, что воздух в комнате, казалось, стал плотнее.

Он окинул взглядом сцену: сжавшиеся рабочие, я в углу, похожая на испуганного зверька.

Его взгляд задержался на мне. На секунду в темных глазах мелькнуло что-то теплое, но он тут же спрятал это за маской профессионализма.

— Роман Сергеич! — начал оправдываться коренастый.
— Тут это... тело какое-то. Говорит, хозяйка. Мы хотели выгнать...

— Я вижу, — спокойно перебил Роман. Он прошел мимо них, как ледокол сквозь льдины, и встал между мной и бригадой. Закрыл меня собой.

Он повернулся к рабочим.

— Знакомьтесь, орлы. Елизавета Дмитриевна Волкова. Собственница помещения. И ваш ночной кошмар на ближайшее время.

Рабочие вытаращили глаза.

— Да ладно... — протянул усатый. — Сергеич, ты шу-

тишь? Эта?

— Михалыч, — голос Романа стал тихим, но от этого еще более угрожающим. — Ты хочешь обсудить внешность заказчика? Или, может, обсудим, почему у тебя в углу уровень пола на два сантиметра гуляет?

Михалыч поперхнулся и заткнулся.

— Елизавета Дмитриевна осуществляет... — Роман на секунду запнулся, глядя на мой растрепанный вид, и уголок его губ дрогнул в едва заметной усмешке, — ...авторский и технический надзор. Лично. С полным погружением в среду. Проверяет микроклимат, так сказать.

По бригаде прошел смешок. Но Роман глянул на них так, что смех застрял у них в глотках.

— Всё. Цирк окончен. Инструменты в зубы и работать. У вас план — зашить перегородку до обеда. Время пошло.

Рабочие, бормоча что-то себе под нос и косясь на меня, поплелись в дальнюю комнату. Через минуту оттуда раздался визг дрели и стук молотков.

Роман повернулся ко мне.

Теперь мы остались одни в этом островке относительной тишины.

Мне было невыносимо стыдно. Я стояла перед ним — красивым, чистым, пахнущим улицей и кофе, — и чувствовала себя кучей мусора. Я плотнее закуталась в его куртку, пытаюсь спрятать грязный свитер.

— Доброе утро, — сказал он. В его голосе не было издевки, только легкая, чуть усталая ирония. — Как спалось на перине из минваты?

— Как в раю, — огрызнулась я, отводя взгляд. — Спасибо, что не дали замерзнуть.

Он протянул мне стаканчик с кофе и пакет.

— Держи. Это капучино. С сахаром. И круассан. Не Ваши премиальные рестораны, конечно, но пекарня внизу неплохая.

Я взяла стаканчик. Он был горячим. Этот жар обжег пальцы, и к глазам снова подступили предательские слезы.

Он запомнил. Или просто угадал.

— Спасибо, — прошептала я. — Я отдам деньги, когда...

— Забей, — он махнул рукой. — Считай это комплимен-

том от заведения.

Он смотрел на меня, изучая. Сканируя масштаб катастрофы на моем лице.

— Тебе бы умыться, — сказал он прямо. — Выглядишь так, будто дралась с енотом за еду. И енот победил.

Я вспыхнула.

— У меня нет воды! И зеркала нет! И вообще...

— Я знаю, — он перебил мою начинающуюся истерику. — Поэтому я привез влажные салфетки и бутылку чистой воды. Вон там, в пакете. И зеркальце карманное.

Я замерла.

Он подумал об этом. Он, чужой мужик, прораб, подумал о том, что мне нужно умыться. Артур бы просто скривился и сказал: «Приведи себя в порядок». А Роман привез воду.

— Зачем вы это делаете? — спросил я тихо. — Я же никто. У меня нет денег, чтобы заплатить вам за ремонт. Вы должны были выгнать меня еще вчера.

Роман сунул руки в карманы джинсов. Он казался скалой посреди этого хаоса.

— Может, и должен был, — согласился он. — По логике бизнеса — ты проблемный актив. Тебя надо списывать.

Он сделал паузу. Шум перфоратора за стеной на секунду стих.

— Но я не люблю, когда добивают лежачих. Есть в этом что-то... гнилое.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Короче, Волкова. Живи пока. Но с условием.

— С каким? — я напряглась.

— Не ной. Не мешай парням работать. И... — он кивнул на мое лицо, — ...приведи себя в порядок. А то Михалыч заикаться начнет, а он мне нужен здоровым.

Он развернулся, чтобы уйти к рабочим.

— Роман! — окликнула я.

Он остановился.

— Что?

— А что мне делать? — я развела руками. — Я не могу просто сидеть на ящике весь день.

— Ну, ты же «технадзор», — он усмехнулся через плечо. — Наблюдай. Учись. Может, поймешь, как реальный мир устроен. Он, знаешь ли, тверже, чем кажется из окна «Мерседеса».

Он ушел в облако пыли.

Я осталась одна с горячим кофе и пакетом салфеток.

Я сделала глоток. Капучино был сладким, густым, с пышной пеной. Вкуснее, чем тот, что я пила в лучших кофейнях Патриков.

Потому что этот кофе был настоящим. И он был для меня.

Я достала влажную салфетку и начала стирать с лица остатки своей прошлой, идеальной жизни. Черные разводы оставались на белой ткани, открывая бледную кожу, синяки под глазами и новую морщинку у губ.

Я смотрела в маленькое зеркальце и видела там незнакомку.

Испуганную, грязную, но живую.

«Технадзор, значит, — подумала я, откусывая круассан. — Ну что ж. Посмотрим, из чего сделан этот ваш реальный мир».

За стеной снова взревела дрель, и с потолка мне в кофе упал кусочек штукатурки.

Я выловила его пальцем, вытерла руку о штаны и продолжила пить.

День начался.

Глава 7. Ультиматум

Кофе закончился слишком быстро.

Я сидела на своем «троне» из рулона утеплителя, сжимая пустой бумажный стаканчик, и смотрела, как Роман раздает указания бригаде.

Он был в своей стихии.

— Михалыч, здесь штробу углуби, иначе подрозетник будет торчать. Леха, грунтовку не жалей, стены сухие, впитают как губка. И мусор за собой убираем сразу, а не как в прошлый раз.

Он говорил на языке, который был мне чужд. «Маяки», «правило», «гофра». В моей прошлой жизни ремонт был красивыми картинками из интернета и утверждением сметы с бокалом игристого. Я не знала, что за этими картинками стоит столько пыли, шума и мата.

Рабочие слушали его беспрекословно. Они ворчали, сплевывали, но кивали. Я видела, что они уважают его. Не боятся, как боялись меня мои сотрудники, а именно уважают. Потому что он знал, как держать в руках шпатель, а не только дорогую ручку.

Я чувствовала себя лишней деталью в этом отлаженном механизме. Инородным телом. Песчинкой в глазу.

Рабочие косились на меня.

— Сергеич, а «технадзор» долго тут сидеть будет? — буркнул Михалыч, закуривая прямо в комнате. — Неудобно же. Ни переодеться, ни... кхм, по нужде сходить.

— Сколько надо, столько и будет, — отрезал Роман, проверяя уровень стены. — И курить иди на лестницу. Я же просил. Здесь дама.

— Дама... — проворчал Михалыч, но сигарету затушил о подошву ботинка. — Дама в бетоне. Сюр какой-то.

Роман закончил осмотр. Отряхнул руки, достал телефон, быстро ответил на чье-то сообщение. Его лицо стало деловым, отстраненным.

Он посмотрел на часы.

— Так, орлы. План на день понятен? Я поехал. У меня встреча на объекте в деловом центре, потом закупки. Буду завтра утром.

Завтра утром.

Эти слова ударили меня током.

Он уезжает.

Он сейчас выйдет за эту дверь, сядет в свой теплый внедорожник и уедет в нормальный мир. Туда, где есть горячая вода, еда и чистые простыни.

А я останусь здесь.

Одна.

С тремя незнакомыми мужиками, которые смотрят на меня как на цирковую обезьянку. В квартире без замков на межкомнатных дверях (потому что дверей нет). Без еды. Без денег.

Паника, холодная и липкая, поднялась от желудка к горлу.

Я вскочила. Ноги затекли, и я чуть не упала, но удержалась за стену.

Роман уже шел к выходу. Он надел свою кожаную куртку, поправил воротник. Он уже был не здесь. Он был мыслями в своих делах, в сметах, в другом мире.

Я побежала за ним.

Мои грязные замшевые лоферы скользили по бетонной крошке. Замша окончательно задубела после вчерашнего ливня, и каждый шаг отдавался режущей болью — стертые в кровь пятки горели огнем. Я чуть не упала, но удержалась за стену.

— Роман! — крикнула я.

Он был уже у двери — той самой, старой, деревянной, с торчащими клочьями ваты. Рука на хлипкой ручке.

Я догнала его в темном коридоре. Вцепилась в рукав его куртки.

Кожа была холодной и гладкой под моими пальцами. Я сжала ткань так сильно, что побелели костяшки.

— Постой!

Он остановился. Медленно перевел взгляд на мою руку, вцепившуюся в его дорогую куртку, потом на мое лицо.

В его глазах мелькнуло раздражение.

— Что еще, Волкова? — спросил он устало. — Я опаздываю.

— Ты... ты уезжаешь? — голос предательски дрогнул.

— Я работаю, Лиза. У меня фирма. Люди, зарплаты, налоги. Я не могу сидеть здесь и держать тебя за ручку, пока ты переживаешь экзистенциальный кризис.

— Но я... — я сглотнула ком в горле. — Я не могу остаться с ними одна.

Я кивнула в сторону комнаты, откуда доносился визг дрели и громкий смех Лехи.

— Они... они на меня смотрят.

— И что? — Роман усмехнулся. — Съедят они тебя, что ли? Михалыч женат тридцать лет, у него внуки. Леха молодой, ветер в голове, но он безобидный. Колян вообще молчит, только работает.

— Мне страшно, — выдохнула я. Признаваться в этом было унижительно, но гордость я оставила вчера в луже. — Роман, пожалуйста. Не бросай меня здесь. Эта дверь... она же на соплях держится. Любой пнет — и она вылетит.

Он вздохнул. Повернулся ко мне всем корпусом, мягко, но настойчиво отцепил мои пальцы от своего рукава.

— Так. Стоп.

Он посмотрел мне в глаза. Жестко. Без той иронии, что была утром.

— Давай проясним ситуацию, Елизавета Дмитриевна. Ты не в отеле. Ты на стройке. Я не твой муж, не твой брат и не твой спасатель. Я подрядчик, которому ты, кстати, должна денег за этот этап.

Я опустила глаза. Щеки обожгло стыдом.

— Я знаю.

— Ты попросилась переночевать — я пустил. Но я не подписывался быть нянькой. У меня своих проблем выше крыши.

Он сделал паузу, давая словам осесть. Я чувствовала, как между нами растёт стена.

— Но я не зверь, — продолжил он тише. — Я вижу, что ты в полной заднице. Поэтому давай договоримся на берегу.

Он прислонился плечом к косяку (единственному, который уже установили) и скрестил руки на груди.

— Это ультиматум, Волкова. Либо мы играем по моим

правилам, либо ты прямо сейчас собираешь свои пакеты и идешь искать счастья на вокзал.

Я подняла голову.

— Какие правила?

— Первое. Техника безопасности. Ты не лезешь под руку. Не трогаешь инструменты. Не подходишь к открытым проходам. Если Михалыч говорит «отойди» — ты отходишь, а не споришь. Если ты получишь травму — меня посадят. Мне это не надо.

Я кивнула.

— Поняла.

— Второе. Ты — невидимка. Мои парни работают сдельно. Им нужно гнать объем. Если ты будешь отвлекать их разговорами, просьбами сбегать за водичкой или жалобами на шум — я тебя выселю. Твое место — в углу, на кухне. Там самая безопасная зона. Сидишь тихо, как мышь.

— Я буду тихой, — прошептала я.

— Третье. Быт.

Он окинул меня взглядом.

— Здесь нет условий. Ты это видела. Туалет — ведро или договаривайся с консьержкой в соседнем подъезде. Мыться — влажные салфетки. Еда...

Он запнулся.

— У тебя деньги есть? Хотя сколько-то?

Я покачала головой.

— Ноль.

— Карты?

— Заблокированы.

— Телефон?

— Работает. Но на счету минус.

Роман выругался сквозь зубы. Потер переносицу, будто у него разболелась голова.

— Блеск. Просто блеск. Ладно.

Он достал бумажник. Вытащил несколько купюр. Пяти-

тысячные.

Протянул мне.

Я отшатнулась, как от огня.

— Нет! Я не возьму!

Это было слишком. Жить в его недостроенной квартире — это одно. Брать деньги у мужчины, которого я знаю сутки — это другое. Это пахло чем-то совсем грязным. Содержанкой. Попрошайкой.

— Бери, дура, — рявкнул он, сунув деньги мне в карман тренча, который висел на гвозде рядом. — Это не подарок. Это в долг. Под запись. Вернешь, когда встанешь на ноги. Тебе надо что-то есть. И купить предметы гигиены. Ты же женщина, тебе всякие... штуки нужны.

Я почувствовала, как краска заливает лицо до корней волос. Он подумал о моих «женских штуках». Господи, какой позор.

— Я верну, — прошептала я, глядя в пол. — Каждую копейку. Я найду работу. Я...

— Потом, — оборвал он. — Сейчас твоя работа — вы-

жить и не мешать.

Он посмотрел на старую дверь, дернул за ручку. Замок болтался, язычок едва цеплялся за косяк.

— Михалыч! — гаркнул Роман так, что я вздрогнула.

Из комнаты выглянул усатый рабочий.

— Чего, Сергеич?

— Бросай всё. Возьми новый замок в машине, в багажнике. Врежь сюда нормальный цилиндр. Прямо сейчас. Чтобы закрывалось на два оборота. И один ключ отдашь ей. Лично в руки. Понял?

Михалыч удивленно поднял брови, перевел взгляд на меня, потом на Романа.

— Понял. Сделаем. А то тут проходной двор, мало ли...

— Вот именно.

Роман снова повернулся ко мне.

— И последнее, Волкова. Самое главное.

Он шагнул ко мне, нависая своей громадой. Его глаза ста-

ли темными, серьезными.

— Никаких истерик. Никаких «я не могу», «мне грязно», «мне холодно». Ты сейчас на дне. Прими это. Если начнешь качать права или строить из себя принцессу — вылетишь отсюда быстрее, чем пробка из шампанского. Я не твой бывший. Я сюсюкаться не буду.

— Я поняла, — сказала я твердо. — Я не принцесса. Больше нет.

Он смотрел на меня еще секунду, словно проверяя на прочность. Потом кивнул.

— Вот и договорились. Ключ получишь через полчаса. Закройся изнутри и никому не открывай, кроме меня.

Он развернулся и толкнул скрипучую створку.

— Роман! — я снова окликнула его.

Он обернулся уже на лестнице.

— Что?

— Спасибо.

Он хмыкнул.

— Не за что пока. Ты еще не знаешь, на что подписалась. Вечером проверю, жива ли ты.
Дверь захлопнулась.

Я осталась одна в полумраке коридора.
Звуки ремонта, которые при нем казались фоновым шумом, вдруг стали оглушительными.

Визг болгарки за стеной резанул по ушам. Грохот падающего мешка заставил вздрогнуть.

— Эй, хозяйка! — крикнул из комнаты Леха. — Чайник есть? Или нам кипятильником в ведре греть?

Я сползла по стене вниз, на корточки.

В кармане жгли бедро чужие деньги.

В носу стоял запах его одеколона, который медленно выветривался, уступая место запаху пыли.

Я огляделась.

Серые стены. Голые провода. Мешки с мусором.

Это мой дом.

Моя крепость с гнилой дверью.

Моя тюрьма.

Я вспомнила свою гардеробную в особняке. Ряды туфель, запах лаванды, мягкий ковер.

Вспомнила свой кабинет в салоне. Белые орхидеи, кофемашина, улыбки сотрудников.

Всё это было вчера.

А сегодня я сижу на полу в грязном свитере и радуюсь, что мне разрешили не сдохнуть на улице.

«Соберись, Лиза, — сказала я себе. — Ты же кризис-менеджер. Ты разруливала скандалы, ты спасала репутацию звездам. Неужели ты не спасешь себя?»

Я встала. Отряхнула колени.

Подошла к зеркальцу, которое оставил Роман.

Из него на меня смотрела уставшая, бледная, но злая женщина.

— Правило номер два, — прошептала я своему отражению. — Ты — невидимка.

Я взяла веник, который стоял в углу. Обычный, старый веник.

И пошла в «свой» угол на кухне.

Если уж мне суждено жить в аду, я хотя бы подмету в нем пол.

— Леха! — крикнула я в ответ, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Чайника нет. Но я сейчас схожу в магазин. Куплю. И печенье. Только...

Я замялась, подходя к проему комнаты.

— Только скажи код от домофона. А то я ключи потеряла.

Леха вынырнул из-за стремянки, вытирая руки о штаны, и добродушно хмыкнул:

— 45-К-890. Запоминай, хозяйка. И эта... бери чайник со свистком, электрику мы тут еще до вечера тянуть будем, в розетку не воткнешь!

В комнате повисла тишина. Потом раздался голос Михалыча, который уже возился с новым замком у входа:

— Во дает. А говорила — принцесса.

Я усмехнулась. Горько, криво, но искренне.

Принцесса умерла.

Да здоровствует Золушка. С веником и долгом в двенадцать миллионов.

Глава 8. Бытовой ад

Прежде чем отправиться за продуктами, мне пришлось прождать минут двадцать, прислонившись к холодной стене, пока Михалыч закончит возиться в коридоре.

— Держи, хозяйка, — он наконец выпрямился, утирая пот со лба, и протянул мне тяжелый, блестящий ключ. — Сама дверь, конечно, картонка, на соплях держится, но замок я врезал зверский. Закрывай на два оборота, с ноги уже просто так не вышибут.

Вооружившись этим ключом и кодом от домофона, который продиктовал Леха, я шагнула в сырую московскую осень.

Поход в магазин, который еще утром казался мне настоящим подвигом, выжал из меня последние силы. Я, женщина, которая еще позавчера брезгливо листала приложения доставок, выбирая фермерскую микрозелень и сибаса, сегодня сжимала в кармане чужие пятитысячные купюры и чувствовала себя воровкой.

Я спустилась в ближайший сетевой супермаркет эконом-класса. Яркий, безжалостный люминесцентный свет резал глаза. В нос ударил густой запах подгнившей капусты, дешевого пластика и мокрых картонных коробок. Я бродила между узкими стеллажами, заставленными неразобранными паллетами, кутаясь в огромную куртку Романа, и ловила на

себе безразличные взгляды уставших после работы людей.

Мой улов был жалок. Я купила самую большую пачку влажных салфеток, шампунь «с экстрактом целебных трав» в ядовито-зеленом флаконе, буханку черного хлеба, банку консервированной фасоли в томатном соусе и простецкий металлический чайник со свистком. На кассе я расплатилась деньгами Романа, и когда кассирша с равнодушным лицом отсчитывала мне сдачу смятыми, засаленными сотнями, я до боли прикусила губу, чтобы не расплакаться прямо там, у ленты транспортера.

Вернувшись в квартиру и впервые открыв новый замок своим собственным ключом, я тихо проскользнула в «свой» угол на кухне. Рабочие сдержали слово — они тянули провода и штробили стены, почти не обращая на меня внимания. Весь этот бесконечный день превратился для меня в пыльную, оглушительную пытку. Я сидела на рулоне минваты, подтянув колени к подбородку, и чувствовала себя припадением.

Жизнь кипела вокруг меня, но я была вычеркнута из нее. Визг болгарки вгрызался в мозг, гул перфоратора заставлял вибрировать ребра, а забористый, многоэтажный мат Михалыча перекрывал даже шум улицы за заклеенным окном. Строительная пыль оседала на мне медленно, но верно. Она скрипела на зубах, забивалась в поры, покрывала ресницы и брови тяжелым серым инеем. В воздухе стоял едкий запах грунтовок и сизого сигаретного дыма.

Наконец, около семи вечера, рев инструментов стих.

— Всё, хозяйка, мы сворачиваемся, — Михалыч заглянул на кухню, тяжело отдуваясь и стряхивая серую пыль с комбинезона. Он закинул ящик с инструментами на плечо. — Давай, закрывайся за нами. И сиди тихо. Завтра к восьми будем.

Я кивнула, сжимая в онемевших пальцах свой единственный ключ. Проводила их до выхода.

Когда за бригадой захлопнулась старая, обитая дерматином деревянная створка, и я провернула замок на два оборота, тишина в квартире обрушилась на меня бетонной плитой.

Это была не та вакуумная, выверенная тишина моего бывшего загородного особняка, где даже воздух казался отфильтрованным через золото, а тишина означала безопасность. Это была тяжелая, мертвая тишина абсолютного одиночества. В ней эхом отдавался каждый мой вдох.

Желудок скрутило болезненным спазмом, напоминая о купленной фасоли. Я не ела со вчерашнего утра. Но прежде чем впихнуть в себя хоть кусок, мне нужно было избавиться от омерзительного ощущения, что я покрыта слоем грязи. Голова чесалась невыносимо. Мое идеальное каре, над которым каждую неделю колдовал топ-стилист моего салона, превратилось в жесткий, сальный колтун, намертво пропитанный потом, дождем и цементом.

— Ладно, Волкова. Ты же кризис-менеджер, — пробормотала я вслух. Мой голос прозвучал жалко, надломленно.

— Решаем проблемы по мере поступления. Проблема номер один — гигиена.

Воды в трубах не было. Но в углу коридора рабочие оставили импровизированный умывальник: пузатую пластиковую бочку литров на сто, к кранику которой был криво примотан кусок шланга, а внизу стояло строительное ведро, измазанное в засохшей шпаклевке.

Я подошла к этому сооружению. Стянула с себя теплую куртку Романа, аккуратно повесив ее на гвоздь. Сняла свой испорченный шерстяной пиджак. Осталась в одной тонкой майке, от которой не было никакого толка — температура в выстуженной квартире едва ли поднималась выше десяти градусов. По коже тут же побежали колючие мурашки.

Я повернула пластиковый вентиль. В ведро с гулким шумом ударила струя.

Я подставила ладони. Вода обожгла холодом так резко, что я инстинктивно отдернула руки. Это был не просто холод. Это был жидкий лед, набранный, видимо, из какого-то транзитного стояка в подвале.

— Твою мать, — выдохнула я, глядя на струю.

Но зуд в волосах сводил с ума. Я не могла лечь спать с этой цементной коркой на голове. Это был мой личный предел. Моя последняя линия обороны перед тем, как окончательно потерять человеческий облик и превратиться в животное.

Я сжала зубы. Наклонилась над грязным ведром, зубами сорвала крышку с ядовито-зеленого флакона и щедро выда-

вила на ладонь дешевую, химически пахнущую жижу. За-
жмурилась до цветных пятен под веками и сунула голову
прямо под ледяную струю.

Удар пришелся по затылку.

Боль прострелила череп мгновенно, словно мне в мозги
вогнали десяток раскаленных спиц. Дыхание перехватило.
Я открыла рот в беззвучном крике, судорожно хватая ртом
стылый воздух, но заставила себя не вытаскивать голову из-
под воды.

— Терпи, дура, терпи, — мычала я сквозь стиснутые зубы,
остервенело втирая шампунь в волосы.

Он отказывался мылиться. В этой арктической воде деше-
вая химия просто сворачивалась склизкими комками, сме-
шиваясь со строительной грязью. Мои пальцы мгновенно
окоченели, потеряв чувствительность. Я царапала кожу голо-
вы ногтями, смывая с себя остатки «идеальной женщины».
Вода, стекающая в грязное пластиковое ведро, была серо-ко-
ричневой.

Холод сковал шею, плечи свело тугой судорогой. В ушах
протяжно зазвенело. Мне казалось, что мое сердце сейчас
просто остановится от шока.

Смыв жалкие остатки пены, я рывком выпрямилась, не
глядя закручивая кран. Вода заливала глаза, текла по щекам,
капала за шиворот майки, ледяными ручейками скатываясь
по позвоночнику. Полотенца у меня, естественно, не было.
Я наощупь схватила свой утренний грязный кашемировый

свитер и туго замотала им голову, как тюрбаном.

Меня трясло. Крупной, неконтролируемой дрожью. Колени подкашивались, зубы выбивали бешеную барабанную дробь. Я кое-как натянула на влажное тело шерстяной пиджак, а сверху укуталась в куртку Романа, застегнув молнию до самого подбородка. Запах его парфюма и табака снова окутал меня, но сейчас он не грел. Внутри меня поселился абсолютный, мертвый холод.

Я поплелась обратно на кухню, спотыкаясь о гофру на полу.

Еда. Мне нужны калории, иначе я просто отключусь прямо здесь, на слое керамзита.

Я достала из пакета банку фасоли. На ее крышке была жестяная петля-открывашка. Обычная консервная банка за восемьдесят рублей. В своей прошлой жизни я бы даже не посмотрела на нее на полке. А сейчас эта банка казалась мне величайшим сокровищем мира.

Я попыталась подцепить кольцо. Пальцы, красные, опухшие и совершенно деревянные после ледяной воды, не слушались. Я подышала на них, пытаюсь согреть, и попробовала снова.

Кольцо поддалось, приподнялось на миллиметр. Я просунула под него указательный палец правой руки. На нем красовался идеальный миндалевидный ноготь — сложный градиент, глубокий винный цвет, ручная роспись. Мой мастер делала этот маникюр два с половиной часа. Стоимость этой

процедуры превышала весь мой сегодняшний бюджет на выживание в три раза.

Я потянула кольцо на себя. Дешевая жесть оказалась толстой, банка сопротивлялась. Я вложила в этот рывок всю свою злость, весь свой невыносимый страх перед завтрашним днем.

Хруст.

Звук был коротким, сухим и отвратительным. Кольцо так и не сдвинулось с места. Зато банка выскользнула из моих непослушных рук и с глухим металлическим лязгом покати-лась по бетонному полу, разбрызгивая густое эхо по пустой квартире.

Я замерла, уставившись на свою руку.

Ноготь на указательном пальце был сломан. Не просто надломлен с краю. Он треснул ровно посередине ногтевой пластины, с «мясом». Жесткий искусственный материал отлетел, вырвав кусок живого ногтя. На бледной, дрожащей коже мгновенно набухла крупная, темная капля крови.

Боль пришла через секунду. Острая, пульсирующая, она безжалостно ударила по натянутым до предела нервам.

Я поднесла палец к губам, инстинктивно пытаюсь унять кровь, и вдруг почувствовала солоноватый вкус пыли и слез.

И тут меня накрыло. Как будто этот маленький, жалкий сломанный ноготь стал последней каплей. Тем самым тумблером, который вскрыл резервуар с моей заблокированной болью.

— Нет... — всхлипнула я, глядя на расплывающуюся каплю крови. — Только не это. Пожалуйста, хватит.

Ноги окончательно отказали. Я осела на пол, прямо в строительный мусор, рядом с проклятой банкой дешевой фасоли. Подтянула колени к груди, обхватив их руками, и завывала.

Это был даже не плач. Это был животный, горловой звук, рвущийся откуда-то из солнечного сплетения. Я рыдала так, как не рыдала никогда в жизни. И я плакала не из-за ног. Я плакала по своему салону с белыми орхидеями, куда я больше никогда не войду хозяйкой. По своим спокойным утрам с невкусным, но стабильным кофе. По своей иллюзии безопасности. По предательству человека, которому я верила три года, а он вышвырнул меня, как отработанный материал.

Я сидела в ледяной, чужой квартире, с мокрой головой, замотанной в грязный свитер, умирающая от голода, и смотрела на свою окровавленную руку.

— За что?! — кричала я в пустые серые стены. — Что я сделала не так?! Я же старалась быть удобной! Я была идеальной! Я во всем тебя слушала! За что ты так со мной?!

Эхо моего сорванного голоса билось о голые кирпичи и возвращалось обратно. Никто мне не отвечал. И в этом было самое страшное осознание. Меня никто не спасет. Мой отец давно умер. Моя мама живет в другом городе своей новой семьей и звонит раз в полгода. Подруги? Все мои так назы-

ваемые «подруги» были лишь приятным приложением к статусу невесты успешного бизнесмена. Как только они узнают, что я банкрот без машины и квартиры, мой номер исчезнет из их контактов быстрее, чем я успею сказать «привет».

Я осталась одна. Полный, абсолютный ноль. С долгом в двенадцать миллионов. Меня стерли в порошок одним ро-счерком стилуса.

Слезы текли по щекам, смешиваясь с грязью, больно разъ-едаая кожу. Я вытирала их здоровой рукой, размазывая по ли-цу строительную пыль. Воздуха катастрофически не хватало. Грудь спирало от спазмов, я задыхалась, жадно хватая ртом холодный кислород.

Взгляд упал на банку фасоли. Она издевательски поблес-кивала в тусклом свете уличного фонаря, пробивающегося сквозь пленку на окне.

Я схватила ее здоровой рукой и со всей дури швырнула в стену.

— Ненавижу!

Банка с грохотом отскочила от кирпичной кладки, оста-вив на ней белесую царапину, и укатилась куда-то во мрак коридора.

Я уронила голову на колени. Сил больше не было. Исте-рика выжгла меня изнутри, не оставив ничего, кроме звеня-щей, мертвой пустоты. Я просто сидела на бетоне, покачи-ваясь из стороны в сторону, и тихо, монотонно скулила, ба-юкая пульсирующий палец.

Сколько прошло времени? Час? Два? Свитер на голове стал тяжелым и ледяным, куртка Романа больше не спасала от подвального холода. Дрожь стала мелкой, внутренней — так дрожат люди за секунду до обморока.

Я с трудом подняла голову. Квартира окончательно утонула во мраке.

«Надо встать, — вяло, словно сквозь вату, подумала я. — Если я сейчас усну прямо на бетоне, я заработаю воспаление легких. И тогда мне точно конец. Лечиться мне не на что».

Я оперлась о ножку стола и с трудом заставила себя подняться. Тело было чужим, деревянным. Достала из кармана влажную салфетку, неловко обмотала ею кровоточащий палец. Затянула потуже.

Подошла к рулону минваты — моей постели на эту бесконечную ночь. Сбросила с головы мокрый свитер, распустив влажные, спутанные волосы по плечам. Легла на жесткий пеноплекс, свернувшись в тугой комок и натянув куртку на самые уши.

Я смотрела на темный экран телефона, который лежал рядом на ящичке с инструментами. В нем была вся моя прошлая жизнь. И вся эта жизнь теперь оказалась дешевой подделкой.

Вдруг экран ярко вспыхнул, разрезав темноту. Телефон завибрировал, отбрасывая резкий, пугающий звук в тишину пустой квартиры. Входящий звонок.

Сердце больно ударилось о ребра. Артур? Неужели он одумался? Неужели это была какая-то дикая, жестокая

ошибка, и он звонит, чтобы сказать, что едет за мной?

Я вскочила, не обращая внимания на боль, и дрожащими руками схватила трубку.

На экране светился незнакомый номер, начинающийся на 8-800.

Надежда, робко вспыхнувшая было в груди, тут же погасла, оставив после себя едкий привкус пепла. Это не Артур. Это реальность.

Телефон продолжал вибрировать в ладони. Настойчиво. Безжалостно. Это звонили из банка. Те самые люди, которые утром пообещали пустить меня по миру. Они звонили сейчас, на ночь глядя, чтобы напомнить: мой сегодняшний бытовой ад — это только репетиция.

Настоящий ад еще даже не открыл свои двери.

Глава 9. Звонок из банка

Вечер опустился на Москву мокрым одеялом. Когда рабочие ушли, тишина недостроенной квартиры стала оглушительной, смешавшись с запахом сырой грунтовки и бетонной пыли. Я сидела в углу на рулоне утеплителя. Правая рука, на которой я сорвала ноготь о банку консервов, пульсировала горячей болью. Обрывок влажной салфетки на пальце насквозь пропитался кровью. Холод сковывал мышцы, и я натянула куртку Романа по самый нос, пытаюсь согреться её надежным запахом дерева и стружки. Но внутри меня всё равно жил абсолютный лед.

Экран телефона продолжал безжалостно вибрировать, разрезая темноту пульсирующим светом. Мелькнула детская мысль не брать трубку, но финансовые монстры не исчезают, если просто закрыть глаза. Дрожащей рукой я приняла вызов.

— Слушаю, — прошелестела я.

— Елизавета Волкова? — раздался металлический, лишенный эмоций женский голос. — Служба взыскания банка. У вас огромная задолженность по кредиту.

— По какому кредиту? — я в панике прижала телефон к уху. — Я ничего не брала! Это какая-то ошибка!

— Вы выступаете поручителем по кредиту компании Артура Соболева, — холодно отрезала оператор. — Плате-

жи прекратились. Теперь долг переходит на вас. Двенадцать миллионов четыреста пятьдесят тысяч рублей.

Воздух в легких закончился. Двенадцать миллионов рухнули на меня, как надгробная плита.

— Подождите... — прошептала я сквозь слезы отчаяния. — Меня подставили! Вчера он забрал мой бизнес и заблокировал мои карты! У меня нет таких денег!

— Банк не интересуют ваши личные обстоятельства между партнерами, — скрипнула система. — Вы обязаны внести всю сумму до завтрашнего дня. Иначе мы инициируем изъятие вашей недвижимости на улице Солянка.

— Нет! — сорвалась я на крик, выпуская наружу сдерживаемую весь день истерику. — Это единственное, что у меня осталось! Вы не можете выгнать меня на улицу!

— Можем, по решению суда. Рекомендую найти средства...

— Да подавитесь вы! — закричала я, захлебываясь слезами. — Идите к Артуру, это его долги! У меня даже на еду нет ни копейки, я сижу на голом бетоне!

В коридоре лязгнул замок. Я не услышала шагов из-за рыданий, пока широкий луч фонаря не выхватил из мрака мою дрожащую фигуру. От неожиданности я выронила телефон. В комнату вошел Роман. В одной руке — фонарь, в другой — объемный крафтовый пакет. Он молча поднял мой аппарат с керамзита.

— Алло, девушка? — его голос прозвучал густо и абсо-

лютно спокойно. — Слушай сюда. Абонент недоступен. Все претензии — в суд. Будете звонить по ночам — получите встречный иск за телефонный харассмент. Бывай.

Он сбросил вызов и сунул телефон в карман.

Я сидела, сжавшись в комок. Зубы отбивали дробь. Я ждала, что он начнет орать за нарушение правила «никаких истерик» и выставит меня за дверь. Но Роман лишь поставил фонарь на стол, чтобы свет мягко отражался от потолка, и подошел ко мне.

— Вставай, — сказал он тихо.

Я замотала головой, пряча заплаканное лицо в воротник его куртки. Его большие, теплые руки легли мне на плечи и непреклонно потянули вверх. Ноги затекли, я пошатнулась, и Роман на секунду прижал меня к себе. От него пахло морозным вечером и спокойствием, которое заземляло лучше любых таблеток.

— Иди к столу.

Я поплелась к импровизированному столу из гипсокартона. Роман пододвинул мне строительное ведро с куском чистого пеноплекса вместо стула. Я села, обессиленная истерикой.

Он развернул крафтовый пакет, и по выстуженной квартире поплыл невероятный запах. Жареное на углях мясо, горячее тесто, сыр. Мой пустой желудок издал мучительный стон. Роман достал горячие фольгированные контейнеры, приборы и два термостакана.

— Проблемы проблемами, а обед по расписанию, — произнес он, сдергивая крышки.

Внутри оказались истекающий соком кусок мяса, хачапури и дольки картофеля. В прошлой жизни Артур пришел бы в ужас от таких калорий, заставляя меня питаться салатами. Сейчас же я готова была продать душу за один картофельный ломоть.

— Ешь, — Роман вложил мне в руку вилку.

Я набросилась на еду с первобытной жадностью. Почти не жуя, обжигая нёбо горячим сыром. Это была самая вкусная еда за всю мою жизнь. Роман стоял у кирпичной стены,пил чай и молча наблюдал. Из его темных глаз исчезли утренняя насмешливость и раздражение. Теперь его взгляд был тяжелым и полным неожиданного сочувствия. Он видел не «фифу из приложения», а сломанную, голодную женщину.

Когда голод отступил, я осознала, как выгляжу: чумахая, чавкающая, с перевязанным грязной тряпкой пальцем. Лицо вспыхнуло от стыда.

— Извини, — я опустила вилку. — Я, наверное, выгляжу ужасно.

— Ты выглядишь как человек, не евший двое суток, — спокойно ответил он. — Запивай.

Сладкий чай с чабрецом обжег горло, и тепло начало разгонять ледяную дрожь.

Взгляд Романа зацепился за мою правую руку.

— Что с рукой?

— Ничего. Ноготь сломала.

— Покажи, — он безапелляционно протянул ладонь.

Он осторожно размотал окровавленную салфетку. Ноготь был сорван до мяса, фаланга распухла. Роман выругался сквозь зубы:

— Полпальца оторвано. Как умудрилась?

— Пыталась открыть фасоль, — я кивнула в темный угол на банку с неоткрытым кольцом.

В его глазах мелькнуло понимание всей глубины моего бытового кретинизма. Роман молча достал из рюкзака аптечку.

— Будет щипать.

Он полил палец средством. Я дернулась, но он крепко удержал мое запястье.

— Тихо, тихо, сейчас пройдет, — пробормотал он бархатым голосом.

Он наложил мазь и начал бинтовать. Его грубые пальцы двигались ловко и нежно. «Зеленый флаг», — вспомнилось мне. Мужчина, который не читает нотации, а молча привозит еду и бинтует раны. Артур скривился бы от вида крови и попросил не пачкать салон.

Завязав узелок, Роман констатировал:

— Жить будешь. А теперь рассказывай, технадзор. Что за долг?

Признаваться в собственной тупости было больно, но я рассказала всё. Про салон, свадьбу, подсунутые утром доку-

менты. Про хищную Карину в ресторане, фразу «отработанный материал» и то, как Артур подложил мне этот кредит.

Роман слушал, не перебивая. Его лицо каменело, а на скулах ходили желваки. Повисла тяжелая тишина. Я ждала, что он назовет меня дурой, но он лишь покрутил связку ключей.

— Забрал бизнес, дом, машину и повесил свои долги, чтобы прикрыть махинации, — медленно проговорил он. — Классическая схема. Подлец. Гнида.

В его глазах была только холодная, расчетливая ярость на ситуацию. От этих простых слов мне стало легче. Внутренняя пружина расслабилась — я не сумасшедшая, я действительно жертва.

— Я не смогу выплатить эту сумму, Роман. Они пустят квартиру с молотка. Мне конец.

— Забрать единственное жилье не так просто, если грамотно упереться в суде, — хмыкнул он.

— Суды требуют дорогих юристов. У меня нет даже на метро.

— Юристы разные бывают, — задумчиво протянул Роман, словно просчитывая варианты, и решительно встал. — Хватит драмы на сегодня. Банк ночью не придет.

Закинув рюкзак на плечо, он кивнул на свернутый тюк у двери:

— Привез тебе зимний спальник. Будешь спать как нормальный человек, а не мерзнуть под курткой.

Слова застряли в горле. Он приехал в нерабочее время,

привез еду, аптечку, тепло.

— Зачем ты со мной возишься? — сорвалось у меня. — Я проблемная. Я... отработанный материал.

Роман замер и медленно обернулся. Его взгляд пронзил меня насквозь.

— Никогда больше не повторяй эту фразу. Слышишь? Ты живая. Да, тебя потрепала жизнь и предал близкий. Бывает, я сам терял всё под ноль. Но если ты поверишь, что ты мусор — ты им станешь. Поняла?

— Поняла, — выдохнула я.

Он положил руку на замок:

— Завтра утром парни не придут, пусть стяжка сохнет. Я приеду к десяти, привезу кофе, и мы подумаем, что делать с твоим долгом.

— Мы? — эхом отозвалась я.

— Мы. На моем объекте от коллекторов не умирают. Это портит карму.

Он вышел. Я закрыла дверь на два оборота. Впервые за эти адские дни я чувствовала себя в безопасности. Снаружи был злой мир, а здесь пахло едой, мазью и надеждой.

Забравшись в пухлый спальник по самый нос, я расслабилась. Я почти уснула, когда телефон резко звякнул. Сообщение с незнакомого номера, но стиль был безошибочен:

«Надеюсь, понравилось шоу с банком, Лиза. У тебя есть сутки, чтобы самой переписать квартиру в счет долга. Или я сотру тебя в пыль. Не заставляй марать руки».

Вместо паники по венам разлилось ледяное спокойствие. Я вспомнила взгляд Романа и его слова: «Ты не материал».

— Стереть в пыль? — прошептала я в темноту. — Ну попробуй, Артур. Я уже в бетоне, а он царапается.

Завтра будет новый день. И завтра мы дадим отпор.

Глава 10. Электричество (Искра)

День тянулся мучительно долго, напоминая вязкую серую патоку.

Роман, как и обещал, приехал утром, но буквально на десять минут. Влетел в квартиру стремительный, собранный, с двумя стаканами горячего кофе и пакетом из пекарни.

— На другом объекте прорвало трубу, топят соседей снизу, мне нужно быть там, — бросил он, на ходу скидывая мне на телефон какую-то инструкцию. — У парней сегодня выходной, пусть стяжка сохнет, так что будешь тут одна. Сиди тихо, ешь, грейся в спальнике. Вечером вернусь, доделаю щиток. Если кто-то будет ломиться — звони сразу мне.

И исчез, оставив после себя запах утренней свежести и терпкого парфюма.

Оставшись одна, я пыталась найти себе занятие, чтобы не сойти с ума от мыслей. Подмела кухню старым веником. Собрала строительный мусор в плотные черные мешки. Переложила свои жалкие пожитки — два костюма из химчистки и косметичку — на подоконник, подальше от цементной пыли.

Но к шести вечера холод взял свое. Температура за окном упала, и стылый осенний воздух начал просачиваться сквозь щели в недостроенных стенах. Я сидела на своем пеноплексовом «троне», укутавшись в спальник по самый подборо-

док, и смотрела, как изо рта вырываются облачка пара. Телефон, заряженный от пауэрбанка, лежал рядом. Я перечитывала вчерашнее вечернее сообщение Артура про «сотру в пыль» раз за разом, пока слова не потеряли смысл, превратившись в бессмысленный набор пикселей.

В начале восьмого раздался громкий, уверенный стук в дверь. Звонка здесь, естественно, не было, и от этого резкого звука в пустой квартире я инстинктивно сжалась.

— Лиза, открывай. Это я, — раздался из-за двери знакомый, чуть хриплый голос.

Я выпуталась из спальника. Ноги окоченели так, что я едва не упала, сделав первый шаг. Подойдя к двери, я повернула ключ на два оборота и распахнула створку.

В коридоре загорелся луч фонаря. Роман шагнул в квартиру.

— Ну что, технадзор, сосульками еще не обросла? — его голос густым эхом разнесся по комнате.

— Почти, — стуча зубами, ответила я. — Еще пара часов, и можно было бы сдавать меня в музей ледяных скульптур.

Роман прошел на кухню. В одной руке он держал тяжелую желтую «пушку» — промышленный тепловентилятор, а в другой — металлический термос. Под светом уличного фонаря, пробивающегося сквозь пленку на окне, я увидела, что он выглядит измотанным. На джинсах — серые разводы от воды и штукатурки, под глазами залегли темные тени, а на скуле виднелась свежая царапина.

Он со стуком опустил тепловую пушку на бетонный пол.

— Сразу включить не выйдет, — предвосхищая мой вопрос, сказал он. — Мимо счетчика запитываться нельзя, а внутриквартирную разводку я еще не дособрал. Сначала нужно доделать щиток. Так что держи, — он протянул мне термос. — Горячий чай с чабрецом и лимоном. Грейся изнутри, пока я работаю.

Я обхватила ледяными пальцами горячий металл термоса. Одно это прикосновение уже казалось спасением.

— Иди садись, — он кивнул на мой спальник. — Я быстро.

Роман скинул кожаную куртку, оставшись в черной водолазке, плотно облегающей широкие плечи. От него пахло бензином и уличным холодом. Я послушно забралась обратно в свой угол, открутила крышку термоса и сделала глоток. Горячий, обжигающе сладкий чай прокатился по пищеводу, и внутри начал разливаться уютный островок тепла.

— Трудный день? — спросила я, глядя, как он достает из рюкзака инструменты: кусачки, отвертки, моток изолянты.

— Нормальный, — он пожал плечами, направляясь к стене с проводами. — На другом объекте рабочие пробили трубу отопления. Пришлось нырять в кипятки, перекрывать стояк, потом успокаивать соседей снизу. Классика.

Он говорил об этом так обыденно, словно речь шла о покупке хлеба. Я представила Артура, у которого любая мелкая накладка (например, если водитель подал машину на пять

минут позже) вызывала многочасовую истерику и крики на подчиненных. Роман же просто нырнул в кипяток и решил проблему.

Он встал на небольшую стремянку, направил настенный фонарь на распотрошенный щиток и принялся за работу. Я сидела в паре метров от него, потягивая чай, и не могла оторвать взгляд от его рук.

Это были руки человека, который умеет создавать и чинить. Сильные пальцы с мозолями, выступающие вены на предплечьях. Он зачищал провода специальным инструментом — одно точное, выверенное движение, и пластиковая оплетка слетает, обнажая блестящую медную жилу. В этом была какая-то гипнотическая, первобытная мужская эстетика, на которую хотелось смотреть бесконечно.

— У тебя кружка дрожит, — вдруг произнес он, не обращившись. — Замерзла или опять что-то случилось?

Я опустила взгляд. Металлическая крышка-чашка в моих руках действительно мелко вибрировала.

— Случилось.

Роман замер. Медленно опустил кусачки и повернул ко мне голову. В резком свете его глаза казались совсем черными.

— Рассказывай.

Я поставила термос на пол. Достала из кармана телефон, разблокировала экран и открыла переписку.

— Он написал мне вчера вечером. После того, как звони-

ли из банка.

Роман спустился со стремянки. Подошел ко мне, остановившись так близко, что я почувствовала запах его одеколона. Он молча протянул руку. Я вложила телефон в его широкую ладонь.

Роман пробежался глазами по строчкам. Его лицо превратилось в каменную маску. Челюсти сжались, скулы заострились.

— «Сотру в пыль», значит, — тихо, почти ласково повторил он. Но от этой ласковости по моей спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с температурой в комнате.

Он вернул мне телефон. Задумчиво посмотрел в темное окно, переваривая прочитанное.

— И что ты ему ответила? — спросил он наконец.

— Ничего.

— Правильно. С шантажистами не ведут переговоров. Любой твой ответ он расценит как слабость.

— Рома, у меня сутки, — мой голос предательски дрогнул. — Если я завтра не приеду и не подпишу отказ от квартиры, он пустит в ход свои связи. У него адвокаты, служба безопасности... Он меня уничтожит. Я не знаю, как с ним бороться. У меня даже ногтей не осталось, чтобы царапаться.

Я нервно спрятала правую руку с забинтованным пальцем в рукав.

Роман шагнул ко мне. Воздух между нами вдруг стал густым, наэлектризованным.

Он присел передо мной на корточки, оказавшись лицом к лицу.

— Посмотри на меня, — приказал он.

Я подняла глаза. В его взгляде не было ни жалости, ни сомнений. Там была абсолютная, тяжелая уверенность хищника, который знает свою территорию.

— У него, может, и есть служба безопасности, — негромко произнес Роман, чеканя каждое слово. — А у тебя есть я.

Я замерла, перестав дышать.

— Запомни, Лиза. Я своих не бросаю. А ты теперь на моем объекте. Никто сюда не сунется. Ни твой бывший, ни коллекторы, ни кто-либо еще. Поняла?

— Почему? — вырвалось у меня. Этот вопрос мучил меня с той самой секунды, как он привез мне горячую еду. — Почему ты это делаешь? Мы знакомы два дня. Я для тебя — просто геморройный заказчик, который не может оплатить счет. Зачем тебе ввязываться в этот конфликт?

Роман криво, горько усмехнулся. Морщинки в уголках его глаз стали резче.

— Потому что я знаю, каково это — когда тебя стирают в пыль самые близкие люди.

Он отвел взгляд, глядя на пустую стену.

— Семь лет назад у меня была другая фирма. Крупнее. Мы брали генподряды на большие торговые центры. Моим партнером был мой лучший друг. Брат, можно сказать. С первого класса вместе. А женой — женщина, которую я лю-

бил до одури.

Он сделал паузу. В пустой квартире было слышно, как гудит ветер за окном.

— В один прекрасный день я проснулся в больнице после аварии. У меня был сломан позвоночник, врачи говорили, что я вряд ли буду ходить. А пока я лежал в реанимации, мой «брат» и моя жена переписали на себя всё. Активы, технику, счета. Меня выкинули из бизнеса и из семьи одновременно. Оставили с долгами перед поставщиками и инвалидной коляской.

Я потрясенно прижала ладонь к губам.

— Рома...

— Я выжил, — жестко отрезал он, прерывая мою жалость. — Встал на ноги. Выплатил долги. Создал новую фирму с нуля. Но я на всю жизнь запомнил это чувство. Когда ты лежишь на дне, задыхаешься от предательства, а сверху на тебя плюют те, кому ты доверял.

Он снова посмотрел мне в глаза.

— Поэтому, когда я вижу, как какую-то зажавшуюся мразь заносит на поворотах, и он пытается уничтожить того, кто слабее... у меня падают забрала. Твой Артур перешел черту. И мы его остановим.

Он протянул руку и осторожно, почти невесомо, коснулся моей щеки. Его пальцы, грубые от работы, оказались обжигающе горячими. От этого случайного прикосновения по моему телу пробежал ток, заставив сердце пропустить удар.

— Ты не отдашь ему эту квартиру, — сказал Роман, и в его голосе зазвучала сталь. — Завтра мы поедем к юристу. К моему юристу. Он акула, вытаскивал меня из такого дерьма, что твоему бывшему и не снилось. Мы отбьем поручительство.

— А если не получится? — прошептала я, утопая в его темных глазах.

— Значит, придумаем план «Б». Но сдаваться ты не будешь. Я тебе не позволю.

Он медленно убрал руку от моего лица. Ощущение пустоты на коже оказалось почти физически болезненным.

Роман поднялся на ноги. Снова стал собранным, непроницаемым прорабом.

— Допивай чай. Мне осталось соединить пару контактов, и мы вернемся в цивилизацию.

Он вернулся к стремянке. Следующие десять минут я сидела в оцепенении, глядя на его широкую спину. Внутри меня что-то сдвинулось. Огромная, неподъемная глыба страха, которая давила на грудь последние двое суток, дала трещину.

Я поняла, что больше не одна.

— Готово, — голос Романа вырвал меня из задумчивости. — Отвернись, сейчас вспыхнет.

Я зажмурилась.

Раздался громкий, сухой щелчок тумблера — Роман включил вводной автомат.

Сквозь закрытые веки ударил яркий желтый свет. Я осторожно открыла глаза.

Обычная лампа накаливания, свисающая на временном проводе с бетонного потолка, залила кухню теплым, живым светом. Тени по углам растворились. Квартира вдруг перестала казаться склепом и превратилась в место, где можно строить жизнь.

Роман спрыгнул со стремянки и подошел к желтому цилиндру тепловой пушки. Воткнул вилку в теперь уже рабочую розетку и повернул реле на корпусе.

Щелчок. И оглушительный, ровный гул.

Тепловая пушка взревела, как турбина самолета. В мои замерзшие ноги ударила мощная, плотная волна горячего воздуха. Жар мгновенно начал заполнять комнату, прогоняя подвальную сырость и вытесняя холод.

Свет резко очерчивал скулы Романа, его усталые глаза и волевой подбородок.

— Да будет свет. И тепло, — усмехнулся он.

Я поднялась. Шагнула к нему, бросив спальник на пол.

Нас разделяло меньше полуметра. Запах нагретой пыли, стружки и его одеколona кружил голову. Электричество было не только в проводах — оно искрило прямо здесь, в узком пространстве между нами, заставляя воздух вибрировать.

Я подняла голову, глядя прямо ему в глаза.

— Спасибо, — тихо сказала я. Не только за свет и чай. За всё.

Роман смотрел на меня. Долго. Внимательно. Его взгляд скользнул по моим губам, и в этот момент мне показалось, что он сделает шаг вперед. Мое сердце забилося где-то в горле.

Но он лишь коротко кивнул.

— Завтра в девять утра будь готова. Поедем давать отпор.

Он отвернулся, чтобы собрать инструменты в рюкзак, но я знала: ту искру, которая только что проскочила между нами, нельзя было просто так выключить рубильником.

Глава 11. Сделка

Утро началось не с оглушительного визга перфоратора, а с ровного, монотонного гудения тепловой пушки.

Я открыла глаза и не сразу поняла, где нахожусь. Первым ощущением было тепло. Густое, плотное, почти осязаемое. Оно заполняло каждый сантиметр спальника и приятно согревало кончик носа. Впервые за эти безумные дни я спала по-настоящему: без липких кошмаров, без панических пробуждений в холодном поту. Сон оказался глубоким и исцеляющим, как наркоз.

Я осторожно высунула руку наружу. Воздух в квартире больше не обжигал подвальной сыростью. Под потолком тускло, но уютно светила оставленная Романом лампа Ильича, разгоняя утренние сумерки.

На экране телефона светилось: 08:15. До приезда Романа и нашей поездки к юристу оставалось меньше часа.

Я выбралась из спальника. Мышцы отзывались легкой тянущей болью, но это была нормальная физическая усталость, а не та свинцовая тяжесть отчаяния, что давила на меня вчера. Забинтованный палец пульсировал, но терпимо. Я натянула джинсы, поправила свитер и подошла к импровизированному умывальнику в коридоре.

Ледяная вода из бочки сегодня уже не казалась орудием пытки. Она бодрила. Я умылась, почистила зубы (спасибо

супермаркету и моим последним копейкам), кое-как расчесала спутанные волосы, собрав их в тугий пучок. Взглянула на себя в маленькое карманное зеркальце.

Бледная. Без косметики. С тенями под глазами. Но в самом взгляде что-то неуловимо изменилось. Вчера там плескался затравленный страх. Сегодня там застыла холодная, кристальная злость. Та самая злость, которая помогает выжить, когда тебя стирают в пыль.

В 08:30 в коридоре с лязгом повернулся ключ.

Дверь распахнулась, впуская в прогретую квартиру клубы уличного пара. Роман вошел не так, как вчера. В его движениях не было спокойной уверенности — только сжатая пружина раздражения. Он был в расстегнутой куртке, с телефоном, зажатым между ухом и плечом, а в руках нес два больших стакана с кофе и свой потрепанный ноутбук.

— ...я тебе русским языком объясняю, мне эта отгрузка нужна была еще вчера! — рявкнул он в трубку, с грохотом опуская ноутбук на лист гипсокартона. Кофе едва не расплескался. — Какие, к черту, технические накладки? Мы оплатили счет три дня назад!

Он жестом указал мне на стакан с кофе, даже не поздоровавшись, и продолжил распекать кого-то на другом конце провода.

— У меня бригада из восьми человек сидит на объекте и курит бамбук, потому что вы не привезли керамогранит! Мне плевать, что логист заболел. Садись за руль сам и вези!

Я тихо взяла свой стакан. Горячий капучино. Без сахара, но с щедрой порцией корицы. Я сделала глоток, вдыхая пряный аромат, и стала наблюдать за Романом.

Он мерил шагами небольшое пространство кухни, массируя переносицу свободной рукой. На его лице читалась крайняя степень усталости, смешанная с бессильной яростью.

— Если через два часа машины не будет на объекте, ярываю с вами договор иставляю неустойку за простой, — чеканил Роман. — Да. Жду звонка.

Он сбросил вызов и грязно выругался сквозь зубы. Бросил телефон на стол рядом с ноутбуком.

— Доброе утро, — тихо произнесла я.

Роман резко обернулся, словно только что вспомнил, что он здесь не один. Выдохнул, провел ладонью по лицу, стирая напряжение.

— Доброе. Извини. Не хотел орать с порога.

— Проблемы на другом объекте? — спросила я, подходя ближе.

— Катастрофа, — он откинул крышку ноутбука. Экран мигнул, осветив хаос из десятков открытых таблиц, накладных и pdf-файлов. — Крупный заказ. Загородный дом. Сроки горят, заказчик лютует. А мой основной поставщик премиальных материалов вдруг решил поиграть в прятки. У них то переучет, то логист уволился, то машина сломалась. Кормят завтраками третий день.

Он открыл какую-то таблицу, попытался всмотреться в

мелкий шрифт, чертыхнулся и потер глаза.

— Я строитель, Лиза. Я умею читать чертежи, знаю, как залить идеальную стяжку и как собрать сложную кровлю. Но этот бумажный ад... — он с ненавистью ткнул пальцем в экран ноутбука. — Меня от него тошнит. У меня фирма выросла за год в три раза. Я не успеваю. Я одновременно прораб, снабженец, бухгалтер и кризис-менеджер. Парни на объекте простаивают, а я тут с таблицами воюю.

Я смотрела на экран его ноутбука. Знакомая картина.

Три года назад, когда мой салон начал резко набирать обороты, я оказалась в точно такой же ловушке. Я была отличным мастером, я знала всё о колористике и уходах, но совершенно не умела управлять поставками. У меня срывались записи из-за того, что курьер не привез нужный краситель, а я не успела вовремя проверить счет-фактуру. Я тогда чуть не свихнулась, пока не выстроила жесткую систему.

— Кто поставщик? — спокойно спросила я.

Роман поднял на меня удивленный взгляд.

— База строительных материалов. Крупный дистрибьютор. Какая разница? Там сидит какой-то прыщавый менеджер, который просто повторяет по скрипту: «Ваша заявка в обработке, ожидайте». А мне не надо ожидать, мне надо стены облицовывать!

— Дай мне телефон, — я протянула здоровую левую руку.

— Зачем? — он нахмурился.

— Дай телефон, Рома. И открой их накладную на экране.

Он секунду колебался, но в его глазах блеснуло любопытство. Он разблокировал аппарат и вложил его в мою ладонь.

Я посмотрела на экран ноутбука. Нашла название компании, номер счета и дату оплаты. В голове мгновенно, как по щелчку тумблера, переключился режим. Я больше не была несчастной девочкой, ночующей в спальнике на стройке. Я была владелицей бизнеса, которая привыкла выбивать свои поставки у самых капризных дистрибьюторов.

Я набрала номер. Включила громкую связь и положила телефон на гипсокартонный стол.

Пошли длинные гудки. Роман скрестил руки на груди, скептически наблюдая за мной.

— Добрый день, компания «Строй-Ресурс», менеджер Антон, чем могу помочь? — раздался из динамика вялый, равнодушный голос.

Я выпрямила спину. Расправила плечи. И заговорила.

Мой голос изменился до неузнаваемости. Из него исчезли хрипота и неуверенность. Он стал глубоким, холодным и идеально поставленным — тем самым голосом, которым я увольняла нерадивых администраторов и общалась с vip-клиентами.

— Антон, доброе утро. Это Волкова Елизавета Дмитриевна, руководитель отдела закупок компании «Монолит», — я на ходу придумала себе должность. — У меня перед глазами счет номер 458-бис от пятнадцатого числа. Оплата прошла в тот же день. Вчера керамогранит должен был быть на

объекте. Его нет.

— Э-э-э... — менеджер явно не ожидал такого напора. — Секундочку, Елизавета Дмитриевна, сейчас проверю по базе... Да, вижу вашу заявку. Понимаете, у нас накладка на складе. Отгрузка переносится на завтрашний вечер. Мы предупреждали Романа Сергеевича.

— Антон, послушайте меня очень внимательно, — мой тон стал обманчиво мягким, как бархат, под которым спрятано лезвие. — Меня не интересуют ваши накладки на складе. У меня в договоре, пункт 3.2, четко прописаны сроки поставки. За каждый день просрочки идет пени. Но это мелочи. Главное в другом.

Я сделала театральную паузу. Роман смотрел на меня, чуть приоткрыв рот.

— Наш объект — это частная резиденция очень непростого человека. Завтра утром туда приезжает архитектурный надзор. Если они увидят простой из-за отсутствия материалов, они разорвут с нами контракт. А мы, в свою очередь, разорвем контракт с вами. Более того, мой генеральный директор прямо сейчас готовит официальную претензию в ваш головной офис, на имя вашего коммерческого директора, с которым, к слову, он лично играет в теннис по выходным.

Я блефовала отчаянно и вдохновенно. Я не знала, играет ли кто-то в теннис, но этот прием всегда работал с менеджерами среднего звена — они до смерти боялись проблем с начальством.

— Э-э... Елизавета Дмитриевна, ну зачем же сразу претензию... — голос Антона дрогнул и потерял свою скриптовую вялость. В нем прорезалась паника.

— Затем, Антон, что мы не благотворительная организация, — отрезала я. — У вас есть ровно десять минут, чтобы найти логиста, водителя, машину, вертолет или почтового голубя. Если через два часа машина с керамогранитом не будет стоять у ворот нашего объекта, я лично проконтролирую, чтобы ваша компания попала в черный список поставщиков по всему региону. Время пошло.

Я нажала на кнопку сброса.

В квартире повисла звенящая тишина, нарушаемая только мерным гудением тепловой пушки.

Я спокойно взяла свой остывающий капучино и сделала глоток. Внутри меня бушевал адреналин. Кровь стучала в висках. Я чувствовала невероятный, пьянящий прилив энергии. Я снова контролировала ситуацию. Я всё еще умела это делать!

Роман смотрел на меня так, будто видел впервые. Его темные глаза расширились, а на губах медленно, дюйм за дюймом, расцветала восхищенная улыбка.

— Волкова... — выдохнул он, качая головой. — Что это сейчас было? Ты откуда такая взялась?

— Из малого бизнеса, Рома, — я усмехнулась, чувствуя, как расправляются невидимые крылья за спиной. — В бьюти-сфере поставщики премиум-материалов еще более ка-

призные, чем твои продавцы плитки. Если не умеешь их строить — твой салон загнется через месяц.

Телефон на столе внезапно завибрировал. Звонил тот самый Антон.

Роман перевел взгляд с меня на экран, потом снова на меня. Я кивнула:

— Отвечай. Но включи громкую связь.

Он нажал на кнопку.

— Да? — бросил Роман своим обычным, чуть хриплым басом.

— Роман Сергеевич! — затараторил Антон. — Это склад. В общем, мы тут нашли резервную «Газель». Машина уже грузится. Через полтора часа будет у вас на объекте. Водитель наберет за десять минут до подъезда. Вы уж извините за накладку, и передайте Елизавете Дмитриевне, что претензию писать не нужно!

— Передам, — Роман едва сдерживал смех. — Спасибо за оперативность.

Он отключился. Посмотрел на телефон в своей руке, потом на экран ноутбука с хаосом таблиц, а затем перевел долгий, пронзительный взгляд на меня.

— За две минуты, — тихо сказал он. — Я бился с ними трое суток, а ты решила проблему за две минуты.

— Ты не умеешь делегировать и не знаешь их корпоративных болевых точек, — пожал плечами я. — Ты привык решать вопросы по-мужски, силой авторитета. А в корпора-

тивной среде работает только страх за свою премию и репутацию.

Я подошла к импровизированному столу. Положила ладонь на край холодного пластика его ноутбука. Сердце колотилось, но голос звучал твердо.

— У меня есть предложение, Роман.

Он скрестил руки на груди, чуть склонив голову набок.

— Слушаю внимательно, Елизавета Дмитриевна.

— Ты отличный строитель. У тебя золотые руки, и парни тебя уважают. Но твой бизнес перерос тебя как управленца. Ты тонешь в таблицах, забываешь про звонки, психуешь из-за логистики. Тебе нужен человек, который заберет на себя весь этот бумажный и коммуникационный ад. Человек, который выстроит тебе нормальную систему учета и заставит поставщиков ходить по струнке.

— И этот человек — ты? — его губы дрогнули в полуулыбке.

— Я. Я выстроила с нуля бизнес с оборотом в десятки миллионов. Я знаю, как управлять людьми и процессами. И прямо сейчас я сижу без работы, без денег и в твоей бетонной коробке.

Я сделала глубокий вдох. Назад пути не было.

— Сделка, Рома. Я становлюсь твоим управляющим партнером по бэк-офису. Я разгребаю твои таблицы, навожу порядок в финансах, общаюсь с клиентами и поставщиками. Я гарантирую, что через месяц у тебя не будет ни одного про-

стоя по вине логистики.

— А взамен? — его взгляд стал серьезным, деловым.

— Взамен ты платишь мне нормальный оклад, как профильному специалисту. Из этой зарплаты мы будем вычитать мой долг за этот и последующие этапы ремонта — до последней копейки. А главное — ты ускоряешь работы в этой квартире. Заканчиваешь черновую, делаешь минимальную чистовую отделку, ставишь мне нормальную дверь и унитаз. И разрешаешь мне здесь жить. Официально. Без одолжений. Я буду оплачивать коммуналку и честно отрабатывать каждый квадратный метр.

Роман молчал.

Он смотрел на меня сверху вниз. Изучал. Взвешивал. В его глазах больше не было того снисходительного сочувствия, с которым он бинтовал мне палец вчера вечером. Сейчас он смотрел на меня как на равного. Как на партнера.

Он медленно обошел стол. Встал вплотную ко мне. От него исходила такая мощная энергетика, что мне на секунду захотелось отступить, но я заставила себя стоять на месте и не отводить взгляд.

— Значит, сделка? — переспросил он низким голосом.

— Сделка. Тебе нужен порядок. А мне нужна база, чтобы закрыть долги, начать новую жизнь и дать отпор Артуру.

Роман усмехнулся. Широко, искренне, обнажая ровные белые зубы. Вся его усталость словно растворилась в воздухе.

Он протянул мне свою широкую, жесткую ладонь.

— По рукам, технадзор. Добро пожаловать в команду.

Я вложила свою левую руку в его. Его рукопожатие было крепким, горячим и абсолютно надежным.

— А теперь, партнер, — Роман посмотрел на часы. Время близилось к девяти. — Допивай кофе. Пора ехать к юристу. После того, что я сейчас увидел, я уверен: твоему бывшему конец.

Глава 12. Авторский надзор (Босс)

Визит к юристу, к которому Роман отвез меня сразу после нашего импровизированного завтрака и заключения сделки, стал первым глотком свежего воздуха за эти удушающие дни.

Адвокат оказался сухим, желчным мужчиной лет пятидесяти с цепким взглядом. Он долго изучал сканы договоров, которые я чудом успела переслать себе на облако еще до блокировки всех доступов. А потом сухо усмехнулся: «Ваш бывший жених слишком торопился. В документах полно процессуальных дыр. Мы подадим встречный иск о признании сделки недействительной и наложим обеспечительный арест на активы салона. Суды будут идти месяцами. Банк пока может постоять в сторонке и подышать в трубочку».

Это не было окончательной победой, но это дало мне главное — время. Время, чтобы выдохнуть, собрать осколки себя и начать действовать.

С того утра прошло три дня.

Моя жизнь на стройке приобрела сюрреалистичный, но стабильный ритм. Роман сдержал свое слово: на следующий же день в квартире появилась надежная входная дверь из толстого металла, а в крошечном закутке, который в будущем должен был стать гостевым санузлом, рабочие установили самый дешевый, но кристально чистый и работающий унитаз. К нему даже подвели холодную воду. Для меня, че-

ловека, который мыл голову из строительной бочки, это стало равносильно переезду в пятизвездочный отель.

Я обосновалась в своем углу на кухне. Лист гипсокартона на двух ведрах превратился в полноценный рабочий стол. Рядом ровно гудела тепловая пушка, создавая комфортный микроклимат, а на ноутбуке Романа, который он оставил мне «в бессрочное пользование», кипела настоящая работа.

Я с головой нырнула в дела компании «Монолит».

Оказалось, что Роман был гениальным строителем, но отвратительным бюрократом. Его сметы представляли собой хаос из записок, эксель-таблиц и голосовых сообщений. Я выстраивала эту систему заново. Я обзванивала поставщиков, жестко торговалась за каждую копейку скидки, выстраивала логистические цепочки так, чтобы материалы приезжали ровно к моменту начала этапа работ, а не пылились неделями на объектах.

Бригада Михалыча, которая в первый день смотрела на меня как на городскую сумасшедшую, теперь относилась ко мне с опасливым уважением.

— Елизавета Дмитриевна, — пробасил Михалыч, заглядывая на кухню и старательно вытирая пыльные руки о комбинезон. — Там курьер привез профили. Говорит, разгрузка в стоимость не входит. Леха с ним уже ругается.

Я оторвала взгляд от экрана.

— Входит, Михалыч. У нас в договоре с этой базой прописана доставка до двери. Скажи этому курьеру, что если он

не разгрузит машину за десять минут, я оформлю возврат всей партии, и он поедет с ней обратно на склад за свой счет.

Михалыч довольно крикнул в усы.

— Понял. Так и передам. Жесткая вы женщина, Дмитриевна. Роману Сергеичу с вами повезло.

Он исчез в коридоре, а я позволила себе легкую улыбку. Повезло. Впервые за долгое время я чувствовала, что действительно приношу пользу. Что я не красивый аксессуар, а шестеренка, благодаря которой крутится огромный механизм.

Внезапно шум в коридоре стих. Голоса Лехи и Михалыча оборвались на полуслове, сменившись коротким, почтительным приветствием.

Дверь на кухню открылась.

Я привыкла видеть Романа в рабочей одежде: в флисовых куртках, пыльных джинсах, тяжелых ботинках. Мужчина, который сам штробит стены и ныряет в кипяток.

Но сейчас на пороге стоял Босс.

Он приехал с какой-то важной встречи. На нем было дорогое, идеально скроенное кашемировое пальто глубокого графитового цвета. Под ним угадывался строгий темный костюм и белоснежная рубашка без галстука, верхняя пуговица расстегнута. Волосы аккуратно уложены, на запястье тускло блеснул металл массивных швейцарских часов.

Он выглядел так статусно, так подавляюще-уверенно, что у меня перехватило дыхание. В этом образе он ничем не

уступал Артуру и его лощеным друзьям из списка Форбс, но в Романе не было той пластмассовой, вылизанной искусственности. В нем чувствовалась первобытная, тяжелая мужская сила, которую дорогое сукно пальто лишь подчеркивало, но не могло скрыть.

Вместе с ним в прогретую кухню ворвался запах улицы. Запах морозного октября, смешанный с ароматом дорогого парфюма — ноты кедра, бергамота и черного перца.

— Привет, — его низкий голос заполнил комнату.

Он снял пальто, перекинул его через спинку стула, словно это не вещь стоимостью в несколько сотен тысяч.

— Привет, — я чуть запнулась, чувствуя себя до нелепости неловко.

Контраст между нами в эту секунду был просто кричащим. Он — хозяин положения, лощеный, источающий успех. И я. В том же самом объемном свитере, на котором, несмотря на все мои старания, всё равно оседала вездесущая строительная пыль. Волосы стянуты в тугую, строгий пучок, на лице ни грамма макияжа. Мышь, живущая за гипсокартоном.

Но Роман смотрел на меня совершенно иначе. В его взгляде не было снисхождения.

Он подошел к моему импровизированному рабочему столу. Шаг, еще один. Он остановился так близко, что его колено почти коснулось моего бедра. Навис надо мной, опираясь обеими руками о лист гипсокартона по обе стороны от моего

ноутбука.

Я оказалась в ловушке из его рук. Запах его парфюма мгновенно вытеснил все остальные запахи в комнате, заставив сердце гулко удариться о ребра.

— Ну, показывай, чем ты тут занималась, пока меня не было, управляющий партнер, — произнес он, глядя прямо в экран. Его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего. Я видела каждую темную ресничку, легкую тень щетины на твердом подбородке. От него исходил жар.

Я судорожно сглотнула, пытаясь собрать разбегающиеся мысли. Взяла мышку. Пальцы почему-то стали ледяными.

— Я... я пересобрала твою базу поставщиков, — мой голос прозвучал чуть тише обычного, но я быстро взяла себя в руки. — Смотри. Вот здесь красным выделены те, с кем мы разрываем контракты.

Роман чуть повернул голову ко мне.

— Разрываем? Смело. И кто у нас попал под раздачу?

— Производители смесей, — я кликнула на таблицу. — Ты закупал у них напрямую, думая, что так дешевле. Но их логистика сжирала всю маржу. Они везли товар по три дня. Я нашла крупного оптовика, у которого склады в черте города. Цена за мешок на три процента выше, но доставка в день заказа. В пересчете на человеко-часы и отсутствие простоев бригады мы экономим около пятнадцати процентов бюджета на каждом объекте.

Роман прищурился, вчитываясь в цифры на экране. Его

рука, опирающаяся на стол рядом с моей мышкой, напряглась.

— Пятнадцать процентов? — переспросил он. В его голосе прозвучало искреннее уважение. — Я бился с этой сметой месяц.

— Потому что ты смотрел на цену товара, а не на стоимость процесса, — я пожала плечами, чувствуя, как возвращается профессиональная уверенность. — Идем дальше. Маркетинг. Твой сайт выглядит так, будто его делали студенты в начале нулевых.

Он усмехнулся. Вибрация его смешка передалась мне через поверхность стола.

— Его действительно делал сын моего первого прораба. Я строитель, Лиза. Сарафанное радио работает лучше любых сайтов.

— Сарафанное радио приносит тебе ремонты квартир, — парировала я, поворачиваясь к нему. Наши лица оказались пугающе близко. — Но ты же хочешь забирать крупные подряды. Загородные резиденции, коммерческую недвижимость. Люди, которые платят десятки миллионов за ремонт, не ищут подрядчиков через знакомых. Они ищут статус.

Я открыла следующую вкладку.

— Я составила техническое задание для нормального агентства. Мы сделаем ребрендинг. Упакуем твои кейсы. Снимем видео с объектов до и после. Мы продаем не просто ровные стены, Рома. Мы продаем премиальный уровень

спокойствия. Заказчик должен видеть, что «Монолит» — это часы, которые не ломаются.

Он молчал. Просто смотрел на меня.

Мой пыльный свитер, отсутствие укладки и забинтованный палец словно перестали существовать в его системе координат. Его взгляд скользил по моим глазам, по губам, ловя каждое слово. В этом взгляде было что-то острое, пронзительное. Что-то, от чего внутри меня всё сжалось в тугой, горячий комок.

Впервые за эти дни я почувствовала себя женщиной. Не жертвой, не брошенной игрушкой Артура, а сильной, умной, привлекательной женщиной, чьи идеи вызывают у мужчины неподдельное восхищение.

— Ты зря тратила свое время на стрижку собак или чем вы там занимались в твоём салоне, — наконец произнес он, и его голос стал ниже, бархатнее.

— Мы не стригли собак, — я возмущенно выдохнула, но губы сами собой растянулись в улыбке. — Это был премиальный бьюти-коворкинг.

— Неважно, — Роман чуть подался вперед. Дистанция между нами сократилась до критического минимума. — У тебя мозг акулы, Лиза. Ты вцепилась в мои процессы и за три дня навела порядок там, куда я боялся заглядывать.

Его дыхание коснулось моей щеки. Взгляд снова опустился на мои губы. Я перестала дышать. Напряжение в воздухе стало таким плотным, что его можно было резать строи-

тельным ножом. Одно движение. Ему достаточно было наклонить голову на пару сантиметров...

— Сергеич! — громовой голос Михалыча из коридора заставил нас обоих вздрогнуть. — Там заказчик с Сити звонит! Спрашивает, ты выехал к нему или нет!

Магия момента разлетелась вдребезги, как тонкое стекло.

Роман резко выпрямился, отступая от стола. Провел рукой по идеально уложенным волосам, слегка взъерошив их. На секунду в его глазах мелькнуло раздражение, но он тут же накинул на себя броню непроницаемого босса.

— Выезжаю, — крикнул он в сторону коридора. Затем снова посмотрел на меня. Усмехнулся, но в этой улыбке было что-то затаенное, хищное. — Сайт одобряю. Смета по смесям — в работу. Запускай всё, управляющий. У тебя карт-бланш.

Он взял свое графитовое пальто, легко накинул его на плечи.

— Я сегодня вернусь поздно, — предупредил он, стоя в дверях кухни. — Ужинать не жди. Из квартиры не выходи, никого не впускай. Если что-то срочное — звони.

— Хорошо, — мой голос прозвучал чуть сипло.

Роман кивнул, задержал на мне еще один долгий, нечитаемый взгляд и вышел.

Дверь захлопнулась, щелкнул мощный замок.

Я осталась одна. Гудение тепловой пушки снова стало самым громким звуком в комнате. Я откинулась на спинку сво-

его строительного ведра, чувствуя, как дрожат колени.

Прижала ладони к пылающим щекам.

«Ты сошла с ума, Волкова», — сказала я сама себе.

Я банкрот. У меня суд впереди. Я живу на стройке. Мне нельзя даже думать о мужчинах, тем более о своем собственном начальнике, который из жалости пустил меня пожить в бетоне.

Но запах его парфюма всё еще стоял в воздухе, смешиваясь с цементной пылью. И этот запах сводил меня с ума.

Глава 13. Предупреждение

Рабочий день на стройке всегда заканчивается внезапно. Еще минуту назад квартира вибрировала от гула инструментов, мата Лехи и тяжелых шагов, а потом рубильник словно опускают вниз.

В шесть вечера Михалыч начал методично собирать свои шпатели и уровни в ящик.

— Всё, Елизавета Дмитриевна, мы сворачиваемся, — пробасил он, заглядывая ко мне на кухню. Лицо у него было серое от бетонной пыли, но глаза смотрели по-доброму, уже без той первоначальной настороженности. — Стяжка в коридоре залита, пускай сохнет. Вы туда до завтра не ходите, я вам по краю доски кинул, чтобы до туалета добраться можно было.

— Спасибо, Михалыч. До завтра, — я оторвалась от экрана ноутбука и слабо улыбнулась.

— Вы дверь за нами закройте сразу на оба оборота, — серьезно добавил бригадир, натягивая куртку. — Сергеич велел глаз с вас не спускать, но нам по домам пора. Райончик тут старый, дворы темные. Мало ли кого нелегкая принесет.

Когда за рабочими тяжело, с глухим металлическим звуком захлопнулась новая дверь, тишина обрушилась на меня со всех сторон.

Я подошла к входу, проверила замки. Два оборота верх-

него ключа, два — нижнего. Холодный, надежный металл под ладонями немного успокоил. Я вернулась в свой освещенный угол на кухне, села на перевернутое ведро и потеряла уставшие глаза.

С момента отъезда Романа прошло несколько часов, но мне казалось, что воздух в комнате всё еще хранит едва уловимые нотки его парфюма — терпкий кедр и черный перец. Воспоминание о том, как он нависал надо мной, опираясь руками о стол, как его взгляд скользил по моим губам, заставило сердце снова сбиться с ритма.

«Соберись, Волкова, — одернула я себя, открывая очередную таблицу с расчетами. — У тебя долг с шестью нулями и суд на носу. Романтика — это последнее, о чем тебе сейчас стоит думать».

Я заставила себя погрузиться в работу. Цифры, накладные, графики поставок успокаивали. В них была железная, предсказуемая логика, которой так не хватало моей разрушенной жизни. Время за экраном летело незаметно. Гудение тепловой пушки превратилось в уютный белый шум, создавая иллюзию абсолютной безопасности внутри моего гипсокартонного кокона.

За окном окончательно стемнело. Москва зажглась миллионами огней, но сюда, в старый двор-колодец на Солянке, пробивался лишь тусклый желтый свет единственного фонаря.

На часах в правом нижнем углу экрана высветилось:

21:15.

Я потянулась, разминая затекшую шею, и взяла пустую кружку, намереваясь заварить себе еще чая.

И тут белый шум разорвался.

Звук был тихим, но в мертвой тишине пустой квартиры он прозвучал как выстрел.

Скрип старых деревянных половиц на лестничной клетке.

Кто-то поднимался на наш, четвертый этаж. Шаги были не такими, как у работяг. Те топали тяжело, громко переговариваясь и гремя инструментами. Эти шаги были медленными, размеренными.словно человек никуда не спешил, а методично, ступенька за ступенькой, приближался к своей цели.

Я замерла, так и не донеся кружку до термоса. Дыхание перехватило.

Шаги остановились прямо за моей дверью.

Секунда абсолютной, звенящей тишины. Я слышала, как собственная кровь стучит в ушах. Мозг отчаянно пытался найти логичное объяснение. Соседи? Нет, на этой площадке только наша квартира и еще одна, давно заброшенная, опечатанная ЖЭКом.

Внезапно дверная ручка дернулась.

Резко. Вниз-вверх. Вниз-вверх.

Запертый механизм лязгнул, но металл выдержал.

Мое сердце ухнуло куда-то в желудок, превратившись в кусок льда. Я медленно, стараясь не издать ни звука, подня-

лась со своего ведра. Ноги стали ватными.

— Волкова, — раздался из-за двери мужской голос.

Он не был громким. Скорее, это был ленивый, скучающий баритон человека, который привык, что его распоряжения выполняются по щелчку пальцев. И от этой спокойной, обыденной интонации меня пробрал первобытный, парализующий ужас. Это был не пьяный сосед. Это был кто-то, кто пришел конкретно за мной.

— Мы знаем, что ты здесь, Лиза, — продолжил голос, и в металлическую дверь глухо, с оттяжкой ударил кулак. Бум. Бум. Бум. — Свет в окне горит. Открывай. Поговорить надо.

Я попятилась назад, споткнувшись о брошенный на полу кусок гофры, и чудом удержала равновесие. Паника, липкая и холодная, стальным обручем сдавила ребра. Воздуха катастрофически не хватало.

«Из квартиры не выходи, никого не впускай. Если что-то срочное — звони», — всплыл в памяти строгий наказ Романа.

Я бросилась к столу. Пальцы тряслись так сильно, что я со второго раза смогла разблокировать телефон. Экран казался ослепительно ярким. Я нашла номер Романа в последних вызовах и нажала на зеленую трубку.

Гудок. Второй.

Каждая секунда тянулась как часы. За дверью снова раздался удар. На этот раз ударили ногой. Дверное полотно завибрировало, мелкая бетонная пыль посыпалась с косяков

на свежую тяжку.

— Волкова, не дури! — голос потерял свою ленивую тягучесть, в нем прорезалась жесткая, бандитская хрипотца. — Твой бывший передает привет. Он очень расстроен, что ты бегаешь от юристов. Открывай по-хорошему!

— Да, Лиза, — голос Романа в трубке прозвучал как спасательный круг. На фоне играла тихая музыка, слышался гул чужих голосов — он всё ещё был на своей встрече.

— Рома... — я попыталась сказать это громко, но из горла вырвался лишь жалкий, сдавленный сип. — Рома, они здесь.

Музыка на заднем фоне мгновенно стихла. Скрипнул отодвигаемый стул.

— Кто здесь? Лиза, дыши. Кто за дверью? — его тон изменился за долю секунды. Из него исчезла всякая светскость. Это был голос человека, который готов рвать на части.

— Люди Артура, — прошептала я, прижимая телефон к уху двумя руками. Слезы паники обожгли глаза, застилая зрение. — Они дергают ручку. Они бьют в дверь.

— Вызывать полицию? — выдохнула я, дрожащими пальцами уже готовясь сбросить вызов и набрать 112.

— Нет, не вздумай! — жестко отчеканил Роман. Я услышала звук захлопывающейся автомобильной двери и рев заводимого мотора. — Пока наряд доедет по вечерним пробкам, эти уже уйдут. А если застанут — просто проверят документы и уедут. У твоего бывшего наверняка всё схвачено, им ничего не сделают за стук в дверь. Я решу это сам. Отой-

ди от двери. Уйди в дальнюю комнату, где нет окон. Сядь на пол и не смей издавать ни звука.

— Они её выломают... — всхлипнула я, глядя, как после очередного удара вздрагивает мощный замок.

— Не выломают. Там сталь три миллиметра и противосъемные штыри. Ломать они её будут до утра. Сделай, как я сказал. Я еду.

Он не сбросил вызов. Я слышала его тяжелое, сосредоточенное дыхание и визг покрышек.

Я на цыпочках, стараясь не наступать на скрипящие доски, брошенные Михалычем поверх стяжки, попятилась в глубь квартиры. Зашла в будущую ванную комнату — темную бетонную коробку без окон. Сползла по холодной, шершавой стене вниз, прямо на грязный пол, и обхватила колени руками.

— Слышь, дрянь! — заорали из-за двери. Удары посыпались градом. Металл гудел, разнося вибрацию по всем перекрытиям старого дома. — Сроки вышли! Если ты завтра до обеда не принесешь отказную на квартиру, мы эту халупу вместе с тобой сожжем!

Я зажала рот свободной ладонью, чтобы не закричать. Меня трясло так, что телефон стучался о висок.

Мой мозг отказывался верить в происходящее. Человек, с которым я планировала семью, прислал ко мне вышибал. Людей, которые готовы сломать мне дверь и сжечь мое последнее убежище из-за куска бетона в центре Москвы. Ил-

люзия того, что это всё просто жесткое бизнес-недопонимание, рухнула окончательно. Я имела дело с абсолютным злом.

— Эй, строитель хренов! — вдруг переключился голос за дверь. Видимо, бандит решил, что Роман может быть внутри. — Передай своему боссу, что если он еще раз сунется со своими юристами, мы ему ноги переломаем! Повторной сборки не будет!

Я затаила дыхание.

— Я их слышу, — раздался в динамике напряженный голос Романа. — Я только вылетел из офиса, мне гнать минут пятнадцать. Держись, Лиза.

За дверь наступила пауза. Кажется, один из визитеров что-то негромко сказал другому. Раздался смешок.

— Всё, Волкова. Предупреждение ты поняла. Завтра в двенадцать в офисе. Без опозданий. Время пошло.

А затем наступила тишина.

Резкая, неестественная, оглушающая. Я ждала скрипа половиц, звука тяжелых шагов, спускающихся по лестнице, спасительного хлопка подъездной двери. Но ничего этого не было. Просто стихло. И всё.

Эта мертвая тишина была в тысячу раз страшнее грохота. Они ушли? Затаились на площадке? Ждут, когда я решусь выглянуть?

— Лиза? — позвал Роман из телефона, выводя меня из оцепенения. — Что там?

— Стихло... — едва слышно выдохнула я, боясь даже пошевелиться. — Но я не слышала, как они уходили. Рома, мне страшно.

— Я бросил машину на углу, бегу к подъезду. Не отключайся. Я с тобой на линии.

Следующие несколько минут превратились в бесконечную, липкую пытку. Я сидела на ледяном полу темной ванной, до боли в глазах вглядываясь в темноту и вслушиваясь в каждый шорох старого дома.

Наконец, внизу хлопнула дверь, и по лестнице кто-то взлетел, перепрыгивая через ступеньки.

— Лиза! Это я. Открывай! — голос Романа, громкий и требовательный, раздался прямо за металлической створкой.

Я на негнущихся ногах выскочила из ванной, подбежала к двери. Дрожащими руками повернула ключи.

Роман буквально ввалился в квартиру. Он тяжело и сорванно дышал. Пальто было распахнуто, волосы растрепаны — он совсем не походил на того статусного босса, которым уезжал утром.

Он отбросил фонарь, шагнул ко мне и рывком прижал к себе. Его руки обхватили меня с такой первобытной силой, будто пытались спрятать от всего мира.

— Я здесь, — хрипло выдохнул он мне в макушку. — Всё нормально. На площадке никого нет.

Я вцепилась в лацканы его пальто, утыкаясь лицом в жест-

кое сукно. Меня начала бить крупная, неконтролируемая дрожь — адреналин наконец-то отпускал.

Роман крепко держал меня, пока мое дыхание немного не выровнялось. Затем он медленно отстранился, и его взгляд метнулся к входной двери.

В полумраке коридора было отчетливо видно, как металл вокруг замка деформировался и пошел волнами от чудовищных ударов.

Лицо Романа окаменело, превратившись в безжалостную маску хищника. Он понял то же самое, что интуитивно чувствовала я: эта тишина была обманчивой.

Они не ушли насовсем. Они просто взяли паузу.

Глава 14. За секунду до...

Роман медленно, словно нехотя, отстранился, но его большие, горячие ладони всё ещё тяжело лежали на моих плечах. Он словно боялся, что если отпустит, я потеряю опору, снова рухну на этот ледяной пол и окончательно разобьюсь на тысячи мелких осколков. Его сбивчивое дыхание постепенно выравнилось, но в темных глазах застыла тяжелая, клубящаяся ярость — ярость человека, на чью территорию и на чью женщину посмели посягнуть.

Он повернулся к входной двери. В тусклом, желтоватом свете дежурной лампочки было отчетливо видно всю степень разрушений. Толстый внешний стальной лист пошел уродливыми волнами. Косяк, который рабочие только вчера посадили на монтажную пену и временные анкеры, теперь безжалостно перекосило от чудовищных ударов. Белая пена лопнула и выкрошилась, обнажив серую кирпичную кладку.

Роман шагнул к преграде, задумчиво провел длинными пальцами по искореженному металлу, оценивая масштаб бедствия. Затем с силой щелкнул задвижкой, проверяя ход ригелей. Звук получился скрежещущим, болезненным — погнутый металл терся о металл, издавая противный визг.

— Замок сломан, — глухо констатировал он, не оборачиваясь. — Язычок деформирован, нижний контур намертво выбило из пазов. Вся эта конструкция держится на честном

слове. Еще пара таких ударов, и они вынесут её вместе с рамой прямо в коридор.

Он резко скинул свое дорогое графитовое пальто, небрежно бросив его прямо на пыльную стопку гипсокартона. Оставшись в облегающей черной водолазке, Роман быстро закатал рукава до локтей, обнажая сильные предплечья. В его движениях не было ни капли суеты, только предельная, пугающая собранность профессионала.

— Я почию. Вернее, укреплю всё так, что сюда даже с тараном не сунутся, — он посмотрел на меня через плечо. — Лиза, неси мой фонарь с кухни и свети мне. Живо.

Я на ватных ногах подошла к стене, подняла оброненный им ранее тяжелый фонарь. Мои пальцы всё еще дрожали, выбивая нервную дробь по пластиковому корпусу, но сам звук его уверенного, командного голоса действовал как мощное успокоительное. Пока он здесь, пока он знает, что делать — мир не рухнет.

Роман уверенным шагом подошел к куче строительных материалов в углу. Вытянул оттуда несколько толстых, просмоленных деревянных брусьев и тяжелые металлические профили.

— Свети вот сюда, прямо на стык рамы и стены. Держи луч ровно, — скомандовал он.

Я встала рядом, направляя яркий свет на изувеченный металл. Роман взял мощный перфоратор, быстро пробурил глубокие отверстия в кирпичной кладке сквозь пазы профиля,

а затем тяжелым молотком с силой вогнал туда стальные анкеры, намертво пришивая хлипкую дверную коробку к несущей стене дома.

Пронзительный визг инструмента больно бил по ушам, но я не отступала ни на шаг. Я завороженно смотрела, как играют литые мышцы на его спине при каждом физическом усилии, как блестят капельки пота на его висках в свете луча. Едкий запах цементной пыли и перегретого металла заполнил тесное пространство коридора, смешиваясь с успокаивающим ароматом его парфюма — нотами кедра и черного перца.

Когда с профилями было покончено, Роман взял самый толстый деревянный брус и мощными ударами вбил его в распор между дверным полотном и противоположной стеной узкого коридора. Дерево застонало, но встало намертво. Получилась глухая, первобытная баррикада.

Он со звоном отбросил молоток в сторону, тяжело выдохнул и прислонился спиной к укрепленной двери, проверяя её надежность своим весом.

— Всё. Теперь это монолит, — он устало стер тыльной стороной ладони пот со лба, оставляя на коже серый пыльный след.

Я опустила фонарь, направляя луч в пол. В квартире снова стало неестественно тихо. Лишь с кухни доносилось ровное, убаюкивающее гудение нашей спасительной тепловой пушки.

— Спасибо, — прошептала я. Голос предательски сорвался.

Роман отлепился от двери и шагнул ко мне. В полумраке узкого коридора расстояние между нами мгновенно исчезло. Он мягко забрал из моих трясущихся рук фонарь, щелкнул кнопкой выключения и вслепую положил его на ближайший ящик.

Затем его пальцы невесомо коснулись моего лица. Большой палец с пугающей нежностью прошелся по скуле, стирая грязный след от недавних слез. Его кожа была шершавой от работы, обжигаяще горячей и невероятно надежной. От этого простого прикосновения внутри меня всё сжалось в тугую комок, а сердце пропустило удар.

— Ты всё еще дрожишь, — его голос стал низким, бархатным. Тем самым гипнотическим голосом, от которого по позвоночнику бегут мурашки, а колени грозят подкоситься.

— Адреналин отходит, — попыталась жалко оправдаться я, глядя прямо в его темные, затягивающие как омут глаза.

Роман чуть склонил голову, сокращая последние сантиметры. Его губы оказались в дразнящей близости от моих. Воздух в коридоре стал густым, наэлектризованным, словно перед грозой. Я физически чувствовала обжигающее тепло его тела, слышала его ровное дыхание. Вся грязь ремонта, все мои долги, весь парализующий ужас последних дней отступили на задний план, без остатка растворившись в этом магнетическом притяжении.

— Я поставлю охрану, — тихо, почти интимно произнес он, не разрывая нашего зрительного контакта ни на секунду. — У меня есть хороший знакомый, владелец ЧОПа. С завтрашнего утра у подъезда будут круглосуточно дежурить его ребята. Ни один человек в этом городе больше не приблизится к этой двери без моего ведома. Ты в безопасности, Лиза. Я обещаю.

Мои глаза непроизвольно закрылись. Я чуть подалась вперед, навстречу его манящему теплу, навстречу этому сладкому чувству абсолютной, безусловной защищенности, которого у меня никогда не было за все годы жизни с Артуром.

Щелк.

Звук где-то на лестничной клетке был коротким, сухим и неестественно резким.

В ту же долю секунды лампа под потолком жалобно мигнула и навсегда погасла.

Уютное гудение тепловой пушки на кухне резко оборвалось, словно огромному агрегату невидимой рукой перерезали горло. Лопасты вентилятора со скрежетом остановились.

Квартира мгновенно погрузилась в абсолютную, черную, мертвую темноту. Тишина стала звенящей.

Я резко распахнула глаза, инстинктивно вцепившись побелевшими пальцами в крепкие предплечья Романа.

— Пробки выбило? — сдавленно пискнула я, хотя интуиция уже кричала об обратном.

— Нет, — тело Романа под моими руками мгновенно на-

пряглось, превратившись в стальную, смертоносную пружину. Вся дурманящая нежность момента испарилась за одну миллисекунду. — Щиток на площадке. Они перерезали вводной кабель.

Они не ушли насовсем.

Точнее, они уезжали куда-то за тяжелым инструментом. Роман чудом проскочил в подъезд именно в тот короткий промежуток, пока их не было во дворе. А теперь они вернулись. Вернулись, чтобы окончательно выломать эту дверь и напугать меня до полнейшей потери рассудка. И для максимального эффекта они начали с того, что рубанули нам свет.

И тут раздался удар.

Это был уже не стук кулаком. Это был оглушительный, резкий грохот — в нашу несчастную дверь со всей дури ударили небольшой кувалдой. Удары посыпались градом: один за другим, бешеным, яростным темпом. Бандиты явно торопились закончить работу до того, как кто-то из соседей опомнится и успеет вызвать полицию.

Вибрация прошла по полу, ударив по моим ногам. Стены жалобно вздрогнули. С потолка прямо на нас посыпалась штукатурка. Моя новая дверь, несмотря на все укрепления, жалобно закрипела, а толстый деревянный брус-распорка угрожающе хрустнул, принимая на себя чудовищную кинетическую энергию.

— Твою мать! — яростно прорычал Роман во мраке.

Металл в районе изувеченного замка начал рваться с про-

тивным, режущим уши визгом. Я не выдержала и закричала, в ужасе закрывая уши руками. Мой личный кошмар вернулся, и на этот раз он был вооружен.

Роман грубо, но надежно оттеснил меня себе за спину, закрывая своим телом. В крошечной темноте своей недостроенной квартиры он ориентировался уверенно, как хищник в родной пещере. Он метнулся к ящику с инструментами у стены. Раздался резкий лязг перебираемого вслепую железа.

В призрачном свете городских огней, едва пробивающемся с ночной улицы сквозь заклеенные окна, я увидела, как в его руке зловеще блеснул тяжелый, массивный разводной ключ. Сантиметров сорок литой, холодной стали. Настоящее оружие в умелых руках.

Очередной удар обрушился на дверь. Деревянный брус-распорка не выдержал бешеного темпа и дал глубокую продольную трещину. Укрепленный косяк протяжно заскрежетал.

Роман резко обернулся ко мне. Его лицо в бледных отблесках с улицы казалось высеченным из гранита — холодное, абсолютно безжалостное. Передо мной стоял мужчина, готовый рвать на части за свое.

Он всё мгновенно понял. Коробка не выдержит такого напора кувалды. Если они вынесут дверь и ворвутся в квартиру — в широком коридоре, в крошечной темноте, среди опасного строительного мусора начнется хаос. Они задавят его числом, и я окажусь под ударом. Единственный тактиче-

ский шанс — принять этот бой на узкой лестничной клетке. В этом «бутылочном горлышке» они будут мешать друг другу, а у Романа будет эффект неожиданности.

— Слушай меня, — приказал он тоном, не терпящим ни малейших возражений. Он перехватил разводной ключ поудобнее, привыкая к балансу. — Я сейчас выбью остатки распорки и выйду к ним.

— Нет! Рома, не надо! Пожалуйста, умоляю! — я вцепилась мертвой хваткой в его спину, меня трясло от неконтролируемого, животного ужаса. — Их там несколько! У них кувалда!

— Закройся за мной, — он жестко, не церемонясь, оторвал мои ледяные руки от своей одежды, повернул к себе лицом и сильно встряхнул за плечи, приводя в чувство. — Как только я шагну за порог, сразу задвигай верхнюю щеколду. Она независимая, до неё они не добрались. И не смей открывать, пока я лично не назову твое имя. Ты поняла меня?!

— Да... — жалко всхлипнула я, глотая соленые слезы.

Дверь со страшным скрежетом прогнулась внутрь, впуская в коридор сквозняк с лестницы.

Роман коротко размахнулся ногой и с нечеловеческой силой ударил по треснувшему деревянному брусу. Тот с громким хрустом переломился и вылетел из распора, освобождая путь.

Затем он обеими руками схватился за горячую от трения ручку замка, рванул её вниз и одним мощным, яростным

движением распахнул дверь.

Черный, зияющий прямоугольник лестничной клетки мгновенно поглотил его широкую фигуру.

Не теряя ни секунды, я бросилась вперед, наваливаясь всем своим дрожащим весом на тяжелую металлическую створку, и с диким криком толкнула её обратно.

Дверь с лязгом захлопнулась, отрезая меня от лестницы. Я стертыми в кровь пальцами вслепую нащупала холодный металл верхней щеколды и с силой задвинула её в паз до спасительного щелчка.

Снаружи тут же раздался грохот сцепившихся в узком пространстве людей. Кто-то с чудовищной силой влетел в стену — вибрация ударила мне по ладоням прямо через дверное полотно. Послышался глухой, тяжелый удар, звон выпавшего на бетонные ступени металлического инструмента и пронзительный, полный боли вскрик. Чей это был крик? Ромы или кого-то из них?

Ноги окончательно отказали. Я медленно сползла по холодной, гудящей двери вниз, до боли зажимая рот обеими руками, чтобы не завывать в голос.

Я осталась в крошечной темноте абсолютно одна. И по ту сторону железной створки прямо сейчас решалось, будет ли у меня завтрашний день.

Глава 15. Зверь

Время в абсолютной темноте течет иначе. Оно становится вязким, плотным, как застывающая смола.

Я сидела на холодном бетонном полу, прижавшись спиной к металлическому полотну двери, и не могла заставить себя сделать даже вдох. Мои легкие горели, а сердце билось где-то в горле с такой силой, что, казалось, этот стук был слышен на всем этаже.

Там, за тонкой преградой из искореженной стали, всё стихло.

После того первого, полного невыносимой боли крика и звона упавшего инструмента наступила мертвая, парализующая тишина. Я не слышала ни шагов, ни голосов, ни стонов. Ничего. Только гул крови в собственных ушах и завывание октябрьского ветра в пустой вентиляционной шахте.

Без работающей тепловой пушки стылый осенний холод мгновенно начал отвоевывать пространство квартиры. Он полз по ногам, забирался под свитер, сковывая мышцы ледяным панцирем. Но я дрожала не от холода. Меня бил крупный, неконтролируемый озноб от животного ужаса.

Кто из них остался лежать на бетонных ступенях?

Мозг подкидывал одну страшную картину за другой. Их было как минимум двое. У них была кувалда. А у Романа — только разводной ключ и ярость. Что, если они оглушили

его? Что, если он сейчас истекает кровью в метре от меня, а я сижу здесь, трусливо заперев дверь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.